Крайон
Сказки, рассказы, притчи для больших и маленьких
книга вторая

Крайон

Сказки, рассказы, притчи для больших и маленьких. книга вторая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19053187
ISBN 9785447489564

Аннотация

Эта книга, продиктованная Ангелом по имени Крайон, учит своих читателей состраданию, любви, доброте. Учит понимать души животных и любить их. Кроме того, в этой книге есть рассказы об истории Земли, об Атлантиде, о Великом потопе и Ное – та информация, которая была забыта, и только сейчас стала вновь доступна людям.

Содержание

Говорящие игрушки	8
«Так себе…»	14
Шаман и волки	21
Бобби	24
Шаман и Жар-птица	29
Монастырь	36
Сказка о силе духа	41
Однажды в сибирской тайге	47
Слёзы радости	54
Сказка о дальневосточном тюлене	59
Императорский пингвин	63
Цветы сакуры	72
Кали Ду Ара	77
Раковина	87
И быль… и сказка…	97
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Сказки, рассказы, притчи для больших и маленьких книга вторая

Крайон

Эта книга – учебник. Он написан в форме сказок и

рассказов, чтобы как большим, так и маленьким

читателям проще было постигать науку о жизни на

Земле, проще было привыкнуть к тому, что мы

не единственные во вселенной,

да и вселенных – великое множество.

В этой книге много исторических рассказов,

продиктованных ангелом по имени Крайон. У кого-то они

вызовут удивление, но… поверьте! Всё это правда!

Услышала и записала И.В.Хрущёва (Золвана).

Посвящается Божественной
Любви, которая создала все Миры
и все Вселенные

© Крайон, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта книга является продолжением нашей первой с Крайоном книги, которая также называется «Сказки, рассказы, притчи для больших и маленьких». На самом деле, это не просто сборник рассказов и сказок. Это – учебник. Точнее, учебное пособие, изучая которое читатель постигает науку о жизни на Земле, о многочисленных инкарнациях животных и людей, о работе закона кармы, об эксперименте дуальности и о других вселенных. В форме сказок наука всегда постигается проще. Вот Крайон и выбрал такую форму: чтобы читать было и интересно, и полезно.

При погружении в каждую науку есть такой закон: чтобы было понятно то, что написано в конце учебника, читать его нужно внимательно, подробно, ничего не пропуская, с самого начала!

Многие спрашивают, как я научилась говорить с Крайоном. Расскажу.

Как-то раз, осенью 2012-го года я возвращалась домой по Александровскому парку. Зазвонил телефон, и я услышала взволнованный голос моего друга-медиума Хо Зифэля (это его космическое имя в нашей вселенной):

– Скорее отключи сознание и посмотри, что́ вокруг тебя! Я перезвоню через пять минут.

Отключила сознание, посмотрела вокруг – какие-то серые клубы энергий, рядом идёт стройка, вокруг ходит много гуляющих людей, шум, гам – ничего особенного.

– Да нет, ты посмотри на расстоянии метров ста от тебя! –

настаивал Хо Зифэль при очередном звонке.

Я как раз дошла до более спокойного места. Включила внутреннее зрение. Действительно: на расстоянии метров ста – красновато-оранжеватая сфера, даже трудно описать цвет.

– Вот-вот! Это и есть Крайон! – воскликнул Хо Зифэль по телефону. – Ты можешь с ним поговорить!

Я поняла, что та самая сфера имеет цвет хорошо начищенной меди, вся блестит и переливается. Когда я поприветствовала Крайона, вся сфера замигала искорками – будто звёздочки быстро-быстро зажигались и гасли. Это Крайон приветствовал меня. Потом я увидела, что такие же звёздочки мигают, и когда Крайон смеётся.

Всю дорогу до дома мы проговорили с Крайоном. Так я научилась с ним общаться. Правда, Хо Зифэль до сих пор слышит его лучше меня и передаёт мне его указания.

Я решила, что должна совершенствоваться, и как-то раз, на ночь попросила Крайона рассказать мне сказку…

Это было началом. Конечно, чувствовать энергетику и слышать Крайона мне очень помогало то, что я окончила заочную «Школу Крайона» при Крайоновском центре в Берлине. Потом Хо Зифэль сказал мне, что Крайон велит все сказки записывать и издавать книгу…

Ещё две сказки из первой книги («Щенок и заяц» и «Не унывать!!!») и рассказ «Сила мысли» продиктовало мне моё собственное Высшее Я (чтобы я не расстраивалась,

что сама ничего не могу придумать).

Я благодарю Крайона за ту радость и любовь, которые испытываю при общении с ним, благодарю моего доброго друга Габриэля (о нём ещё впереди) и, конечно же, Хо Зифэля, который по-прежнему слышит Крайона намного лучше меня и иногда поправляет, если я какое-то имя или событие увидела неправильно.

Мои внуки очень любят слушать сказки Крайона, но они требуют, чтобы были и картинки. Мне же не удалось найти художника, который смог бы изобразить то, что мне показывал Крайон, да ещё сохранил бы соответствующую энергетику. Поэтому пришлось залезть в интернет и постараться найти хоть что-нибудь похожее.

Огромное спасибо тем людям, которые выкладывают в интернет замечательные фотографии и разрешают ими пользоваться. Низкий вам поклон! И от меня, и от внуков, и, думаю, от всех будущих маленьких читателей. К сожалению, из-за закона о соблюдении авторских прав, издательства не разрешают пользоваться иллюстрациями из интернета без соответствующего официального согласия авторов, а я их, честно говоря, даже не знаю. Вот и приходится для печати удалять из сказок все иллюстрации…

Я благодарю всех, кто решил пообщаться с энергией Крайона через эти рассказы, сказки и сказы. Они изложены в той последовательности, которую избрал сам Крайон.

Говорящие игрушки

В 2010 году мне довелось побывать на северном Кипре. Бродя с тележкой по проходам супермаркета, я почему-то всё время натыкалась на полку с большими мягкими игрушечными гориллами. Одна из обезьян в упор смотрела на меня и говорила: «Купи! Ну, купи меня!».

Раз на шестой или седьмой я не выдержала. Моя внучка давно просила обезьянку, но у нас в Питере продавались не игрушки, а жуткие карикатуры на обезьян, которые могли лишь испугать ребёнка. И хотя я после Кипра собиралась в Москву на крайоновский семинар с Ли Кэрроллом, а потом уже в Санкт-Петербург, я решила купить обезьяну для внучки. Перебрала почти всю полку – обезьяны, как обезьяны. И лишь одна из них просит: «Купи!».

Чудесная мягкая игрушка, которую приятно прижать к себе. Где произведена, не понятно – никаких ярлыков. Дома я взяла обезьяну на руки и вслух спросила:

– Ну, и как же мне тебя назвать?

И вдруг слышу:

– Назови, как хочешь…

– А ты как хочешь?

– Га́би.

– Ну, Габи, так Габи… – с удивлением ответила я. И вдруг через некоторое время:

– А вообще-то полное имя Га́бриэль!

Честно говоря, я опешила, и при всей моей фантазии и твёрдом убеждении, что «всё – живое», держать в руках говорящую игрушечную обезьяну было как-то странно.

Поскольку я не очень поверила самой себе, признаюсь: не слишком часто я пыталась разговаривать с Габи. Внучка, почему-то, (в отличие от меня) от этой обезьяны в восторг не пришла. Так и остался Габи сидеть у меня в комнате на пианино.

И вот наступил 2013-й год. Никак я не могла дослушать одну из сказок Крайона. Не вижу окончания сказки – и всё тут!

Однажды я прилегла отдохнуть на кровать. Смотрю на Габи, а он улыбается, весело так на меня глядит и вдруг начинает мне показывать и рассказывать окончание Крайоновской сказки! Да так чётко и понятно, что осталось лишь записать. Крайон потом сказал, что у нас с Архангелом Гавриилом (он же Ангел Габриэль) была договорённость о том, что мы будем общаться, когда придёт время. А ещё он сказал, что не важно, кто диктует сказки. Мы вообще все едины…

С тех пор говорящая обезьяна Габи стала часто помогать мне слушать и записывать повествования Крайона. Для простоты я их всех называю «сказками». А потом у меня появились ещё две говорящие игрушки. Скажете, что к старости впадаю в детство? Быть может, но мне так легче слушать послания Действительности. Впрочем, обо всём по-порядку.

Это было 63 года тому назад. У меня была невероятно любимая игрушка – тёмно-бурый плюшевый мишка. Маленький, набитый опилками, со светлой, завязанной бантиком, ленточкой на шее. Тогда на шею всем таким игрушкам повязывали ленточки, чтобы скрыть шов.

Я любила своего мишку безумно, не расставалась с ним ни дома, ни на прогулке. И вот однажды мы с папой пошли гулять в Адмиралтейский садик, к Медному Всаднику. Естественно, со мной гулял мой мишка. Тому остались свидетельства – фотографии. Но папа купил мне сладкую вату – в те времена она продавалась небольшими шариками. Чтобы не испачкать мишку, я посадила его на скамейку…

Когда мы пришли домой, я обнаружила, что мишки нет. Это было огромным горем! Я просила папу пойти его поискать, но папа сказал, что мишку уже наверняка кто-нибудь забрал. Тогда я стала просить маму купить мне такого же мишку. Но таких мишек в магазинах уже не было. Я канючила несколько месяцев, и, в конце концов, мама купила мне какого-то тряпочного медвежонка, но… это было совсем не то…

Интересно, что горечь от этой детской утраты любимого существа (он же для меня был живой) сохранилась в моей душе на всю жизнь. Что-то вроде лёгкой грусти при воспоминании. Может быть, если бы я не потеряла его тогда, маленький мишка и не остался бы в моей памяти?

Сейчас я знаю, что моего мишку нашли дети из детского

сада, и он достойно прожил свою жизнь. Я знаю, что уже тогда в моём мишке была энергия Крайона, и что потеряла я его не случайно…

Недавно я зашла в супермаркет «Спар». Проходя мимо полки с детскими игрушками, я вдруг увидела знакомую мордочку. Она смотрела прямо на меня. На полке сидел маленький мишка в белой футболке с аляповатыми сердечками. Он был чуть больше моего, детского, и другого цвета: такого тёмно-рыжего, как бы медного. Медного… со знакомой мордочкой… Ну, конечно же, этого мишку посылает мне Крайон! До чего же он хорошо знает всё о нас! Какой чудесный подарок, какая радость, детская радость – я его нашла!

Конечно же, я его купила, только футболку с него сняла, придя домой. И действительно: этот мишка оказался говорящим. Через него со мной стал говорить Крайон.

– Считай, что это следующая инкарнация того мишки, – сказал наш многомерный друг.

Говорить с Высшими сущностями через игрушки намного проще. Видимо, когда мы смотрим на мордочку и ждём ответа, это позволяет нам отключать свои мысли и своё сознание – и ответ приходит чётче. Мишка очень мне помогает, особенно, когда нужно услышать какое-нибудь сложное имя или что-то конкретное. Он буквально «говорит по буквам»! Прими мою благодарность, дорогой Крайон!

Разговаривая с мишкой, я вспомнила ещё об одной иг-

рушке. В далёком 1994-м я уезжала в командировку на Байконур, впервые оставляя своих не маленьких уже детей одних. Незадолго до отъезда в одном из ларьков (их тогда было множество повсюду) я увидела очаровательную игрушечную крысу из искусственного меха. Согласитесь: наверное, трудно сшить очаровательную крысу. Поскольку я сама родилась в год крысы, мне в голову пришла одна идея.

Перед самым отъездом я оставила на своей кровати эту крысу, а под неё положила листок бумаги с надписью: «Я остаюсь вместо мамы следить за порядком!».

Естественно, после моего отъезда моя дочь заглянула в мою комнату и, естественно, забрала эту очаровательную крысу себе, посадив на секретер, с которого она… ну, никак не могла упасть!

И вот к моей дочери приходит в гости её подруга. Сначала они мирно беседовали, а потом стал разгораться жаркий спор. И вдруг моя крыса спрыгивает с секретера на пол! Дочь сразу вспомнила про записку, и жаркий спор прекратился. Обе девочки были очень удивлены.

Так вот, недавно я вспомнила про этот эпизод. «Если в игрушечную крысу можно было заложить информацию, то, наверное, с ней можно и поговорить?» – подумала я.

Надо сказать, что мне нелегко даётся разговор с моим Высшим Я. Приходится представлять себе абстрактного Ангела, а куда как проще смотреть на очаровательную крысиную мордочку и ждать ответа. Вот я и попросила своё Выс-

шее Я разговаривать со мной через эту крысу. И ведь получилось! Правда, сначала крыса обиженно сказала, что я могла бы и пораньше о ней вспомнить – сколько лет просидела без дела, но потом мир и понимание были установлены.

Мне кажется, что когда дети разговаривают со своими игрушками, к этому надо относиться очень серьёзно! Наверняка посредством игрушки с ребёнком говорит или его Ангел-хранитель, или его Высшее Я, или ещё кто-нибудь из Действительности.

Так пусть живут наши игрушки!

«Так себе…»

В стародавние времена жили в одной деревне два брата. Старший был красивый и умный, а младший – «та́к себе». За что́ старший ни возьмётся – всё спорится, всё в руках горит. А у младшего – Ивана ни одно дело не клеится. Косить возьмётся – коса на камень найдёт, забор починить – жердь сломается, грядку вскопать матушка попросит – тоже всё не так получается: то вкривь уйдёт, то глубоко, то мелко. Подойдёт мать – только вздохнёт.

– Ну, как, получилось? – с надеждой спрашивает Иванушка.

– Да так себе… – ответит матушка и отвернётся.

Вот и прозвали младшего брата «Иван – так себе…». Даже внешне он был «так себе»: серая рубаха верёвкой перевязана, тёмно серые штаны да лапти с обмотками. На голове шапка – серый колпак с торчащими из-под него космами. Только глаза – синие-синие, глубокие и все в ресницах.

Нашёл как-то Иван на чердаке старые прадедовские гусли, наладил и попробовал играть. Сидит, струны перебирает и напевает вполголоса.

– Слушай, Вань! Перестань ныть, а? – скривился старший брат.

С тех пор стал Иванушка убегать с гуслями в поле иль в лесок, но уж больно петь ему понравилось.

Как-то раз приехал в их деревню театр – «Балаган» назывался, с бродячими артистами. Была у этих артистов одна подвода, а ходили они пешком по городам и весям – и жонглёры, и акробаты, и клоуны, и даже канатоходцы.

Пошёл один из артистов в поле погулять. Вдруг слышит – поёт кто-то, да так трогательно – аж за́ душу берёт. И о крестьянской доле, и о ветре в поле, и о солнце на закате, и о матери, о брате…

Подошёл артист поближе, долго слушал, а как закончил Иван петь, говорит ему:

– Слушай, мо́лодец, что же ты в одиночестве песни-то поёшь? Ведь их любо, как слушать! И откуда только берёшь такие?

– Да я и не беру, – Иван отвечает.– Они у меня сами складываются. Надо только вокруг посмотреть – как речка журчит, как листва шумит, как облака на небе играют…

– А знаешь, приходи-ка ты к нам в театр, – говорит артист. – Будешь людям свои песни петь. Нам как раз музыки не хватает. Только и умеем, что в барабан бить.

– Да куда мне! – отшатнулся Иван. – Я вам всё представление испорчу… Меня ж даже прозвали «Иван – так себе…». У меня ничего толком не выходит!

– Знаешь, – артист говорит, – может, что другое у тебя и не выходит, а песни твои за́ душу берут! Пойдём со мной!.. Пойдём!! У нас как раз представление начинается. Меня Климентием зовут. Пойдём!

Пришли Иван с Климентием на базарную площадь. Там уж подмостки сооружены. Люди вокруг собираются. Один из артистов за кулисами с «Петрушкой» на руке бегает. Вышел Климентий на подмостки и начал народ созывать.

– Весёлый, – кричит, – у нас театр! Веселее не придумаешь! Да ведь жизнь не только из веселья состоит. Сейчас мы с вами погрустим чуть-чуть, а потом уж повеселимся на славу!

Выпихнул Климентий Ивана с гуслями, скамейку ему поставил – «Пой!» говорит. А в толпе смешки́ раздались, мол, это же Иван – «так себе…», что же он спеть-то сможет?

Обидно стало Ивану. Взял он гусли, вдохнул полной грудью – и запел. Замерла базарная площадь. Женщины уголочками платков стали слёзы вытирать, мужчины брови нахмурили. Перед каждым, кто слушал, поплыли родные ему образы. Кто о детстве вспомнил, кто первую любовь, кто родную сторонушку…

Закончил Иван петь, все стоят и молчат – отойти не могут, а мальчонка с шапкой – тут как тут – пошёл денежки собирать. Набросали люди монет – никогда театр за раз столько не собирал.

Иван со сцены ушёл, другие артисты выступать начали, а народ и смотреть не хочет, расходится. Каждый – в своих думах…

По окончании представления окружили артисты Ивана, стали уговаривать с ними по свету пойти. А Иван и долго

думать не стал: чем всё делать «так себе», уж лучше людям хорошие песни петь.

Пошёл Иван домой, рассказал родным, что́ произошло. Сказал, что уходит завтра с «Балаганом».

– Куда ты? – всплеснула руками мать. – Ты ж пропадёшь! Ведь ты же ничего толком делать-то не умеешь!

– Пе́ть я умею, матушка! Людям понравилось. Вот и пойду делать то, что у меня получается.

А брат думает: «Ну, и хорошо. Уйдёт Ванятко – дом и хозяйство мне останутся!». Он же умный был, брат-то…

Так стал Иван – «так себе…» бродячим артистом. По многим сёлам и деревням ходил. Только петь его стали просить и в начале представления – чтобы зрителей привлечь, и в конце – чтоб не расходились. Название театру сменили – стали называться «Певучий балаган». Дела у них в гору пошли. Купили даже четыре кибитки с лошадьми, чтобы самим грязь да снег не топтать. В соседние страны стали заглядывать.

Вот как-то приехал «Певучий балаган» в столицу. А у царя того государства была дочь на выданье. И всё капризничала царевна, никак жениха себе выбрать не могла. Сидела она однажды у окна вечерком, вдруг слышит – поёт кто-то. Да так хорошо, так трогательно: то соловьём зальётся, то тихую душевную ноту затянет. Загорелась у царевны душа, побежала она к царю.

– Батюшка! – говорит. – Нашла я себе жениха. Ты только

выйди из терема, послушай!

Удивились царь с царицей, вышли на царский двор, слышат – и впрямь кто-то хорошо поёт.

– Слушай, дочка! – говорит царь. – Певец, конечно, отменный, но ты ж его совсем не знаешь! Какого он роду-племени? Каков он внешне, хорош ли собой? Может, он тебе и не приглянется…

– Что ты, батюшка! – воскликнула царевна. – Разве может быть дурной внешности тот, кто так поёт? Да и, чтобы так научиться, хорошие учителя нужны – наверняка певец знатной крови.

Велел царь разыскать того певца. Вы уж догадались, что это не кто иной, как Иван – «так себе…» был. Предстал он перед царевной. Посмотрела она – и нос сморщила – не по пению внешность-то оказалась. Но, уж раз отыскали певца, попросил его царь продемонстрировать своё искусство.

На сей раз не постеснялся Иван – показал, на что он способен. У самого́ царя на глазах слёзы выступили.

– Слушай, Иван! – говорит царь. – Оставайся-ка ты придворным певцом. Всё у тебя будет. Будешь сыт, красиво одет. Будешь на мягкой перине в тёплых покоях спать, и только нам да гостям песни свои слагать. Ну, а коли ещё царскую семью в песнях прославишь, я тебя озолочу!

– Не гневайся, царь-батюшка! – отвечает Иван с поклоном. – Мои песни мне Земля-матушка сочиняет. В царских

покоях ничего у меня не получится. Нужен мне ветер дорожный, да леса густые, да поля бескрайние, чтобы песни писать. Не могу я в царском дворце жить и творить.

Разгневался царь и велел прогнать Ивана, а заодно и весь театр. Пошли они дальше странствовать по великим просторам России…

Через несколько лет прибыл «Певучий балаган» в родную деревню Ивана. Собрался народ на базарной площади. Вышел к людям певец с гуслями – в парчовом наряде, коротко подстриженный, с небольшой аккуратной бородкой. Никто певца не узнал. Не узнала его и мать, что стояла в толпе на площади. А Иван сразу мать заприметил. Смотрит ей в глаза и поёт душевную песню о матери и о сыновней любви. Защемило сердце материнское. Подошла она поближе, взглянула в глаза певцу – а они синие-синие и все в ресницах.

После представления обняла мать сына, позвала домой. Батюшка Ивана уже давно преставился, а старший брат обзавёлся семьёй и вёл хозяйство – умно и рачительно.

– Оставайся с нами, сынок! – просила мать Ивана. – Уж намотался, поди, по свету-то.

– Нет, матушка! Прости – не здесь моё место! Должен я ходить по свету и людям души лечить своими песнями. От тяжёлой доли у них души заскорузлыми становятся. А когда я вижу в их глазах слёзы, – понимаю, что не напрасно песни пою. После моих песен они тихими и мягкими расхо-

дятся. Так что – пойду я. Приходи меня завтра проводить.

На следующее утро забежал Иван в родной дом, обнял мать, брата – и побежал свой обоз догонять. А мать вышла на дорогу и долго смотрела вдаль на последнюю кибитку, в которой ехал, свесив ноги, её сын – «Иван – так себе…». Подняла мать руку и перекрестила исчезающую в ды́мке полей кибитку:

– Храни тебя Бог, сынок!

Шаман и волки
(быль)

Детство Сти́но прошло в эвенкийской деревне Сахо́ Тын, что означало «Богатое рыбой озеро». Можно сказать, что Стино «с пелёнок»был шаманом – шаманом был его отец Конро́. Правда, шаманам не полагалось заводить семью – вот Конро и «не завёл». Но мать мальчика – Карикэ́ не устояла против шаманских чар, и Стино появился на свет. Он и не знал, кто его отец. Тем не менее, Конро с ранних лет учил сына шаманскому искусству, и когда Стино исполнилось двадцать, его позвали шама́нить в другую эвенкийскую деревню, которая была больше, чем Сахо Тын – в деревню Ко́ле Ями, что означало «Среди холмов». В Коле Ями было почти тридцать землянок с поселенцами и несколько сотен оленей… Почему землянки? Так ведь это происходило в девятом веке в Северной Америке…

В родной деревне у Стино осталась мать и пятилетняя сестрёнка Цо́та. В раннем детстве она отморозила себе ножки, выбежав из землянки, и поэтому не могла ходить. Стино очень любил и свою мать, и свою сестру. Расстояние между деревнями было четыре километра, и шаман часто навещал родных – привозил им мясо, рыбу и кое-что из вещей. Себе же он дал обет: никогда не жениться и не встречаться

с женщинами. Поэтому жил он уединённо в своей землянке, как и подобало настоящему шаману.

Однажды зимним лунным вечером Стино возвращался из Сахо Тын домой. Он ехал на сделанных из оленьих шкур нартах, запряжённых одним оленем. До деревни Коле Ями было уже недалеко, как вдруг в свете луны Стино увидел волчью стаю: пять волков, пригнув головы, молча, преследовали нарты. Шаман начал погонять оленя, но волки бежали быстрее. Стало ясно, что ни человеку, ни оленю от волчьей стаи не уйти. Тогда Стино надел на себя свою шаманскую одежду, с которой он не расставался, – накидку из шкуры белого медведя и головной убор из черепа бизона. Он взял в руки бубен и, стеганув оленя, спрыгнул с нарт.

Олень налегке побежал в деревню, а Стино ударил в бубен и, используя горловое пение, стал выкрикивать шаманские заклинания.

При первых ударах бубна волки вздрогнули и остановились. Стино продолжал шаманить. Волки медленно подошли и окружили человека в медвежьей шкуре и с рогами на голове. Потом они подняли головы вверх и завыли. Ветер донёс до жителей деревни волчий вой, и они покрепче закрылись в своих землянках.

Продолжая стучать в бубен и петь, Стино начал продвигаться к деревне. Постепенно он дошёл до своей землянки. Волки, не переставая выть, неотступно следовали за ним. Резкими ударами в бубен шаман отогнал хищников и скрыл-

ся в землянке…

Что́ так подействовало на волков: горловое ли пение, шкура ли белого медведя и бизоньи рога? Или у Стино была такая энергетика, что волки подчинились ему и пошли за ним? Скорее всего, и то, и другое.

С тех пор волки не заходили в деревню Коле Ями и не беспокоили её жителей. Но каждый раз, когда Стино начинал шаманский ритуал, откуда-то издалека начинал доноситься волчий вой.

Бобби

Давным-давно, так давно, что даже местные старожилы не помнят, когда это было, стояло на берегу моря в северной Канаде большое село. Раз стояло оно на берегу, стало быть, и рыбаков в нём было много. Да и не только рыбаков, но и охотников – леса́-то вокруг какие! До ближайшего села не то, что пешком, – на лошади надо было двое суток добираться.

Жили люди в этом селе очень обособленно. Почти никуда не выбирались – и кузнец свой, и мельница своя, и ткацкие станки в некоторых домах стояли.

И жил на самой окраине этого села в старом-престаром доме очень большой человек. Да и не просто ростом велик, а ещё и весь зарос волосами. Никому он не мешал. Смастерил себе лодку большую и, как и все мужики, выходил в море рыбачить. Рыбы всегда привозил много и щедро делился с односельчанами. Особенно с теми, у кого детишек полон дом, или с теми, кому в этот раз на рыбалке не повезло.

Когда он в селе появился, даже старики не помнили. И сам он никогда не говорил, сколько ему лет – только отмахивался. Люди называли его Бобби, и к нему удивительно шло это детско-ласкательное имя. Никто никогда не видел Бобби рассерженным или просто хмурым. Правда, и не смеялся он никогда. Детишки его обожали – он как-то всегда находил,

чем с ними заняться.

– Что ты не женишься? – иногда спрашивали односельчане.

– Да куда мне!.. – отвечал Бобби и отводил глаза.

Как-то так повелось, что к Бобби все стали обращаться за помощью: как сделать, что предпринять, где дом поставить? Даже соседи приходили – спор разрешить. Никогда он никому не отказывал – и помогал, и мирил, и всегда находил лучший выход в каждом споре. Вот и стали называть Бобби «наш сельский Голова», или просто «Голова».

Вот только говорил он как-то странно: вроде и рта не открывает, а все его понимали. Может, просто в бороде и рта было не видно?

Были у Бобби и другие странности. Например, он ничего себе на огне не готовил. Рыбу ел прямо сырую и иногда уходил в лес, да и рыбы с собой набирал порядочно.

Старики говорили, что с тех пор, как Бобби в селе появился, ни медведи, ни волки сельчан не беспокоили – боялись, наверное, такого большого человека.

Как-то раз пошли женщины с детьми в лес по ягоды. Среди них был один паренёк Томми. Не любил он ягоды собирать – больше по сторонам глядел. Вдруг видит парень – мелькает что-то среди стволов. Пригляделся – а это Бобби со связкой рыбы идёт. Интересно стало мальчишке, куда этот большой человек ходит, и решил он за ним проследить. Осторожно, прячась за кустами и стволами, побежал следом.

Большой человек неспешно шагает – Томми бегом бежит.

Через некоторое время остановился Бобби у заросшего кустарником холма, издал какие-то звуки, и из кустов вышли к нему такие же заросшие волосами люди: двое больших – чуть меньше самого Бобби, и один маленький. Постояли все вместе, о чём-то, видно, поговорили (Томми издалека не слышал), а потом Бобби отдал рыбу и пошёл обратно.

Томми за кустами притаился, а когда большие люди разошлись, бегом побежал в село и стал всем рассказывать, что видел. Подивились сельчане, и пошли к Бобби допрос устраивать: кто, мол, эти люди, и почему он их в село не приводит.

– Это мой брат с женой и сыном, – ответил сельский Голова. – А не привожу я их потому, что они вас боятся. Ведь они совсем на вас не похожи…

– Вот ещё, что придумали! – возмутился один из мужичков. – Нас бояться! Да что мы, звери какие, али как? А ты́ нас не боишься?

– Да я привык как-то, давно живём… – замялся Бобби.

– Вот что! – продолжал мужичок. – Нечего им в лесу бедствовать. Приводи-ка всех сюда! Новый дом вам поставить поможем! Подумаешь, не похожи. Мало ли что бывает…

Привёл Бобби брата с семьёй в село. Соорудили они ещё одну большую лодку. Всем селом дом большой построили, чтобы большим людям сгибаться не приходилось, и зажили, как прежде, дружно и спокойно.

Как-то раз заболел в селе один паренёк. Температура вы-

сокая, лежит в бреду, задыхается. Позвала его мать местного знахаря. Тот, что́ только ни делал – и лёд из погреба прикладывал, и травами поил – а мальчику всё хуже и хуже. Надумала мать уж священника приглашать. Вдруг – приходит в дом Бобби, еле в дверь пролез. Встал на колени возле кровати и положил свои большие руки – одну на голову, другую на грудь больного ребёнка. Закрыл Бобби глаза и минут десять не шевелился. Затем встал.

– Пусть поспит сейчас. Потом здоров будет, – сказал и ушёл.

И правда: проснулся малыш – жар спал, глаза весело заблестели. Мальчик есть попросил. Обрадовалась мать, отнесла Бобби корзинку куриных яиц – так тот и брать не хотел, еле уговорила…

Приехал однажды в то село шериф. Приехал неожиданно. Много лет он туда не заглядывал – больно далеко.

– Где тут у вас сельский Голова проживает? – спрашивает.

– А зачем он тебе? – интересуются люди.

– Ну как, а вдруг у вас тут что-нибудь произойдёт – с кого спрашивать? Да и вообще…

Указали ему на дом Бобби. Заглянул туда шериф, подивился размерам.

– А почему такой дом большой? – спрашивает. – Он что, ва́с заставил строить?

– Да нет, – сельчане отвечают. – Просто у них в семье все такие большие.

Бобби с семьей в тот день дома не оказалось.

– Передайте своему Голове, чтобы он ко мне в управу приехал, да поскорее! Мне с ним кое-что обсудить нужно, – сказал шериф и уехал.

Вечером вернулась семья Бобби домой, сельчане ему передали указание шерифа. Ничего не ответил Бобби, только головой покачал и ушёл к своим.

Наутро хватились селяне – опустел дом сельского Головы. Лодки на месте, всё в доме, как прежде, оставлено, а хозяев нет. Ждали селяне, что вернутся большие люди – ан, нет: ушёл Бобби со своей семьёй навсегда. Больше ни разу никого из них не видели, хоть по лесам и искали.

А Бобби и его семья до сих пор в лесу живут, только людям не показываются…

Шаман и Жар-птица (притча)

В далёкой северной Якутии жил шаман Якитó. Много лет он своим искусством помогал жителям окрестных деревень: вызывал в засуху дождь, в мокрое лето – солнце, помогал вырастить хороший урожай, лечить оленей, а главное – помогал людям исцеляться. И была у Якито одна мечта: хотел он помочь всем людям Земли – чтобы все люди жили в мире, в достатке и были счастливы.

И вот вырастил Якито себе смену – подрос в одной деревне паренёк, проявил интерес к шаманскому искусству. Обучил его Якито шаманить и со спокойной душой ушёл искать другое место для жилья. Уходя, наставлял своего сменщика:

– Никогда ничего не делай во зло! Только с добром, только с любовью – и всё у тебя получится!

Пошёл Якито на восток. Решил он жить уединённо, чтобы никто ему не мешал, и чтобы продолжать шаманить не ради нескольких деревень, а ради всего человечества.

Долго искал шаман подходящее место, пока не набрёл на пустынное плато – там, где Камчатский полуостров переходит в Анадырь. Серовато-бежевые скалы обрывались к Берингову морю, образуя внизу узкую полоску гальки. С этих скал стекал к морю родник с чистой водой.

Взялся Якито за дело и поставил над морем бревенчатый домик. Крышу покрыл самодельной черепицей – нашёл неподалёку залежи подходящей глины. Сам лепил черепичные пластины и обжигал в печи, которую сложил из камней вблизи от дома. Вокруг дома плетень поставил – двор огородил, а внутри двора соорудил столб с пучком полосок из ярких тканей наверху – для совершения шаманских ритуалов.

Всё Якито своими руками сделал. Построил дом далеко от людей – «на семи ветрах», как говорится, поближе к небу, чтобы никто не мешал ему шаманить. В море он рыбу ловил, в лесу грибы-ягоды собирал, травяной чай летом на зиму запасал и иногда силки на зайцев ставил – много ли шаману надо!

Стал Якито по три раза в сутки ритуал проводить: утром шаманил, днём и вечером перед сном. Взывал к Силам Небесным и Духам Земли, чтобы люди во всём мире счастливо жили. Иногда ходил шаман за несколько километров в ближайшую деревню – узнать, стали ли люди в Мире лучше жить. Так нет! Оставалось в Мире всё по-прежнему: где-то войны, где-то голод, где-то эпидемии…

Не мог Якито понять, почему не действует его шаманское искусство. И вот решил он однажды начать шаманить и по ночам. Развёл во дворе костёр на полнолуние и стал проводить ритуал – и в бубен бил, и горловым пением Силы Земли призывал, и плясал вокруг костра. Вдруг видит: летит к нему огненный шар с запада.

Якито сначала даже испугался – уж не солнце ли в обратном направлении покатилось? Но подлетел шар и сел на плетень. Смотрит Якито – а это Жар-птица: сидит на плетне, хохол золотой распускает, крыльями взмахивает и внимательно так за шаманом наблюдает.

Остановился Якито и, молча, на Жар-птицу уставился. Даже не сразу сообразил, откуда серебряный голос раздался – он ведь последнее время только завывания ветра и слышал.

– Вижу я, Якито, что чего-то ты очень хочешь, – произнесла Жар-птица. – Правда, ты так стараешься и создаёшь вокруг себя такие плотные энергии, что я и разглядеть не могу, что за желания у тебя. Чего ты хочешь, Якито?

Стал Якито постепенно в себя приходить, даже головой потряс, чтобы из состояния шаманского транса выйти.

– Ты мне снишься? – спрашивает. – Или я и впрямь перед собой сказочную Жар-птицу вижу.

– Не снюсь, не снюсь! – отвечает гостья. – Я и есть Жар-птица. Да не такая уж и сказочная. Летаю я по свету и исполняю светлые желания хороших людей. Только вот в твоих желаниях никак не разберусь. Зачем ты так много шаманишь? Очень сильно хочешь чего-нибудь?

– Хочу, Жар-птица! Ой, как хочу! – воскликнул Якито. – Хочу, чтобы все люди Земли были здоровы, счастливы и жили богато! Чтобы все их желания исполнялись! Не знаешь ли, получается у меня?

Задумалась Жар-птица, а потом и говорит:

– А ты у людей спросил? Сами-то люди хотят быть здоровыми и счастливыми? Ведь Всевышний в первую очередь прислушивается к тому, что человек сам себе желает, или ближнему своему…

– Как же я могу у всех людей-то спросить?.. – говорит шаман. – Да я и так уверен, что все люди хотят жить во здравии и достатке!

– А знаешь, – говорит Жар-птица, – давай, мы с тобой по Земле полетаем и на людей посмотрим. Послушаем, что́ они друг другу желают.

– О чём ты говоришь? – удивился шаман. – Я же не умею летать!

– Ничего! Со мной и полетать сможешь!.. Согласен? – спросила Жар-птица.

– Ну, что ж, давай попробуем, – пробормотал Якито.

Взмахнула птица крылами, погасила костёр, подлетела к Якито, и взмыли они вверх, под небеса.

Пока летели, уж заря занялась. Опустилась Жар-птица с Якито над одной из деревень. Видят – два соседа через забор друг на друга кричат, руками размахивают. Один кричит:

– Твои куры мне весь огород перекопали, всю рассаду повыдергали! Хоть бы твой курятник вообще сгорел!

– А твоя коза, – второй кричит, – мне все цветы на клумбе поела, чтоб она сдохла, окаянная!

Поднялась Жар-птица с Якито опять под облака и спрашивает:

– Ну, как, шаман, ты думаешь: будут эти люди счастливо жить в полном достатке? Ведь они друг другу только зла желают! А Господь – Он ко всем пожеланиям прислушивается, наша Земля – планета свободного выбора!..

Задумался Якито.

– Ну… не все ж люди такие… этим-то я вряд ли помогу…

Полетела Жар-птица дальше. Вдруг остановилась резко и спустилась пониже.

– Смотри, – говорит, – Якито. Вон девушка к колдунье побежала.

Присмотрелся шаман. Ему рядом с Жар-птицей всё хорошо видно и слышно. Просит девушка колдунью на свою лучшую подругу порчу навести, а на жениха подруги приворот сделать.

– Ну, что, Якито? – спрашивает Жар-птица. – Ты же видишь – после такой магии ни самой девушке, ни её подруге, ни парню не жить. Скорей всего, все трое сгинут, ну, а уж счастья точно не будет!

– Да-а!.. – говорит шаман. – Но, Жар-птица, не все же люди друг другу зла желают. Есть же и те, у кого душа добрая!

– Хорошо! – ответила Жар-птица. – Давай-ка на пляж слетаем и послушаем, что там отдыхающие говорят.

Подлетела Жар-птица к пляжу, опустилась пониже, а заодно и тучку на небо нагнала. Закрыла тучка солнце. Забес-

покоились люди:

– Ой, что-то холодно стало, – говорят. – Скорей бы солнышко вышло!

А рядом с пляжем поля засеяны. Стоит около поля фермер, на небо смотрит.

– Что-то дождя давно не было, – вздыхает. – Хоть бы тучки нагнало, да дождики прошли, а то совсем земля сухая!

– Ну, что, Якито? – спрашивает Жар-птица. – Теперь ты видишь, что и у хороших людей могут желания друг другу противоречить? Которым из них ты помогать собираешься?

Ничего не ответил шаман. Только попросил:

– Отнеси меня обратно…

Опустила Жар-птица Якито около его дома, а сама на плетень села и говорит:

– Теперь ты понял, Якито, что на всех людей всё равно не угодишь? Во время своих ритуалов проси Высшие Силы о том, чтобы все люди добрее стали, чтобы с любовью и уважением относились друг к другу, и чтобы желания их не противоречили тому, что Богом назначено. Ведь всё, что ни происходит – всё развивается по единому Божественному плану! И лучше ритуалы свои среди конкретных людей проводи. Тогда и я тебе помогу, и люди помогут.

С этими словами взмахнула Жар-птица крылами, поднялась высоко в небо, и вскоре слился золотой шар с золотыми отблесками заката…

Постоял Якито. Посмотрел на закатное небо и ушёл в дом.

А на следующий день собрал нехитрые пожитки и отправился домой, в свою деревню. Понял он, что там, среди знакомых и дорогих ему людей, его шаманское искусство больше пользы принесёт.

И впрямь: поди узнай, что́ каждому человеку на Земле нужно…

Монастырь (быль)

На самом севере Адриатического моря бьются волны о крутой скалистый берег. Над морем – развалины древнего православного монастыря. Это место редко посещают люди, ведь к морю можно спуститься лишь по крутой, едва заметной в скалах тропе. Она приводит на узкую полоску покрытого водорослями берега, который омывается водами небольшой лагуны, закрытой с востока скалистым побережьем, а от южных волн – острыми скалами, выступающими из воды.

С девятого по тринадцатый век в монастыре жили монахи. Они были самых разных национальностей, разных возрастов и с самыми разными судьбами. Настоятелем монастыря в течение пятидесяти лет был старец Афиноген. Если в монастырь приходил юноша или зрелый муж, который хотел стать монахом, Афиноген приглашал его к себе. Он ни о чём не спрашивал пришедшего, только долго смотрел ему в глаза – смотрел и молчал. Не каждый мог выдержать взгляд старца – взгляд таких ясных голубых глаз, что, казалось, в них светится само небо. Кто не выдерживал этого взгляда, тот уходил. Кто выдерживал – тот оставался в монастыре. Афиногену и не нужно было ни о чём расспрашивать

пришельца – он видел человека насквозь. Когда же самого́ старца спрашивали, откуда он родом, что было в его жизни или какой он национальности, он неизменно отвечал:

– Я сын Божий, остальное неважно…

Настоятеля монастыря не всегда звали Афиногеном. Он родился в небольшой деревушке на севере Италии, и звали его Па́бло. Русоволосый, с ясными голубыми глазами, он имел необузданный нрав, с юности любил вино и кутежи. Такие разбитные парни часто нравятся девушкам – так уж устроен мир. Вот и Марчелла – тихая, скромная девушка из той же деревни влюбилась в энергичного и смелого Пабло, не устояла перед его голубым взором. Сыграли они свадьбу и жили, как многие живут…

Приходилось Марчелле терпеть и пьяного мужа, и побои. Да и трое народившихся детишек были не слишком нужны отцу. Часто по пьянке кричал он на них и раздавал тумаки, называя дармоедами.

Однажды, придя под утро домой, расшумелся Пабло, стал у дома скандалить в пьяном угаре. Вышла Марчелла, начала увещевать мужа:

– Тише ты! Детей разбудишь! Соседи услышат… позор-то какой! Опять налакался, окаянный! Все деньги ведь пропиваешь! Дети голодные сидят, им и одёжку купить не на что!

Вскипел в душе у Пабло пьяный гнев. С криком «Ах, ты, ведьма!» схватил он камень и ударил жену по голове. Упала

Марчелла, и растеклась от её виска по пыльной земле лужица крови…

Понял Пабло, что́ натворил, и, даже не зайдя в дом, бросив там троих детей, а на земле у дома мёртвую жену, пустился в бега. Пьяный, а понимал, что убийство ему даром не пройдёт.

Долго скитался Пабло, пока не добрался до берега Венецианского залива. Увидел беглец, что стоит на якоре одинокий корабль, и, недолго думая, доплыл до него и залез на борт. Этот корабль оказался пиратским. Пираты Пабло ни о чём не расспрашивали, приняли в свою команду. Так деревенский парень стал флибустьером.

Семь лет плавал Пабло на пиратском корабле. Грабежи, убийства, пьянки – что ж, такая жизнь его вполне устраивала. И было Пабло уже сорок лет, когда попал их корабль в страшную бурю.

Ночью, в кромешной тьме бушевало море. Волны поднимались под небеса и обрушивались на палубу, снося людей и всё, что было на корабле. Ударила молния, и на пиратском судне начался пожар.

Никогда ещё Пабло не испытывал такого страха. Промелькнула перед ним вся его преступная, непутёвая жизнь. И будто озарение пришло! Упал пират на колени, держась за остатки мачты, и стал молиться – впервые за много-много лет:

– Господи! Прости меня! Прошу тебя: спаси! Если оста-

вишь меня в живых – обещаю, что весь остаток жизни буду служить тебе! Только тебе! Спаси, Господи!

В этот момент бросили волны корабль на прибрежные скалы, и разлетелся он с треском в разные стороны. Пабло оказался в воде. В свете молнии увидел пират, что берег недалеко, и поплыл. Добрался до более тихой воды в лагуне, выбрался на узкую полоску берега и из последних сил вскарабкался по крутым скалам наверх. Едва отдышался и осознал, что жив, как вдруг увидел, что расступились над ним тучи и показался средь них овальный кусок светлого голубого неба. На фоне неба появился Иисус Христос и произнёс:

– Не забудь про своё обещание!..

Исчезло голубое небо. Снова чёрные тучи вокруг, снова молнии, снова ураганный ветер. Забылся Пабло и очнулся только под утро, на заре. Буря утихла. Ласково шелестели тёплые волны моря.

Огляделся Пабло вокруг – никого! Ни жилья, ни людей. Увидел, что море стало прибивать к берегу останки их корабля: доски, бочки, кое-какие снасти. Стал Пабло всё это собирать и втаскивать на крутой берег. На следующий день подошёл к нему ещё один пират с их корабля. В течение недели собралось пять человек – все, кто спасся в ту бурную ночь из тридцати девяти пиратов команды. Нашли они пещеру в скалах со стороны моря. Правда, спускаться в эту пещеру приходилось по верёвке с крутого берега.

Сначала отшельники жили в пещере, а потом стали стро-

ить стены монастыря, собирая камни и скрепляя их глиной. Так на крутом скалистом берегу появился маленький монастырь.

Пабло взял себе имя Афиноген. Он стал основателем и настоятелем нового монастыря. Постепенно появились в обители и прихожане, приносили иконы. А если появлялись разбойники или пираты, открывал Афиноген ворота, выходил навстречу грабителям и, глядя на них своим небесным взором, говорил:

– Заходите, люди добрые! Нам от вас скрывать нечего – поделимся, чем Бог послал.

И некоторые разбойники оставались в обители. За все 50 лет, в течение которых Афиноген был настоятелем, монастырь ни разу не был разграблен. Печать Христа лежала и на настоятеле, и на всём монастыре.

В возрасте 90 лет Афиногена не стало. Его прах покоится там же, под камнями, рядом с развалинами монастырских стен. А разрушили и разграбили монастырь в XIII веке заезжие пираты, не оставив в живых ни одного из монахов.

Сказка о силе духа (притча)

В незапамятные времена в центральной Австралии жило племя аборигенов. Невысокие, коренастые, с очень смуглой кожей – почти всю жизнь они проводили на жарком австралийском солнце. Сезон дождей был короток – всего лишь около двух месяцев. Зато по берегам реки за это время успевал вырасти высокий тростник, из которого люди племени строили себе хижины… Даже не хижины, а маленькие конические «хатки».

Питались аборигены мясом животных – тех, кого могли поймать или подстрелить из лука. В основном, это были кроличьи бандикуты, которых достаточно много водилось в те времена в степях Австралии. Иногда людям удавалось поесть и мяса кенгуру, но ни одно животное люди не съедали, не поблагодарив его за его жизнь и за то, что он дал им пищу.

На каждое полнолуние племя приносило в жертву Духам Земли одного кенгуру. Тело животного клали на каменный алтарь, вокруг алтаря разводили круговой костёр, шаман совершал ритуал, и все люди племени танцевали вокруг костра ритуальный танец. Утром тело ритуального животного закапывали в землю.

Самым почитаемым духом у аборигенов был Та́ки Мо –

Дух Прерий. Люди видели его проносящимся верхом на огромном кенгуру на фоне закатного или восходящего солнца. Дух выглядел, как человек с украшением из ярких птичьих перьев на голове.

Однажды, когда во время жертвоприношения люди племени исполняли ритуальный танец, над алтарём появился из костра Дух Прерий верхом на кенгуру. Все люди племени пали ниц, а Таки Мо громовым и гулким голосом произнёс:

– Вспомните, люди! Вспомните, что стало с землёй Лемурии! Её почти полностью поглотил Океан. То же самое произойдёт и с нашим континентом, если вы не спасёте его!

Шаман поднял голову.

– Говори, Таки Мо, что́ мы должны сделать!

– Среди вас есть юноша Ако́то, – произнёс Дух. – Благословите его и накормите, как следует, мясом жертвенного животного. Завтра утром около своего жилища он увидит кенгуру со сбруей. Верхом на этом кенгуру Акото должен отправиться прямо на восток. Путь будет далёк! Ни по пути туда, ни по пути обратно Акото не должен ничего есть. Он может только пить!..

Таки Мо помолчал несколько секунд и продолжил:

– Когда юноша достигнет Океана, на Океане будет сильнейшая буря. Акото должен упасть на колени и молить Океан о прощении. Он должен просить прощения за всё, что натворили люди, за все их грехи! Если Океан простит людей, буря утихнет, и Океан даст Акото священный камень. Ако-

то должен принести его сюда, развести костёр и положить в него камень. В огне камень начнёт испаряться. Дух священного камня донесёт до Всевышнего, что Океан простил людей, и Всевышний убережёт нашу землю. Иначе её поглотит Океан! Повторяю: пока всё не свершится, Акото ничего не должен есть!.. Кроме того, перестаньте приносить животных в жертву – вы только зря губите их жизни.

Видение исчезло, костёр погас, а люди всё лежали на земле…

Первым поднялся шаман:

– Все слышали, что сказал Таки Мо?.. Акото, мальчик мой, подойди ко мне!

Акото подошёл к отцу и наклонил голову.

– Готов ли ты, сынок, выполнить поручение Духа Прерий?

– Да, отец! Я сделаю всё, что в моих силах, – сказал юноша.

– Тогда прими моё благословение. И пусть весь наш народ благословит тебя!

Все люди племени окружили юношу. Каждый пожелал ему справиться с заданием. Шаман совершил прощальный ритуал и, накормив сына мясом жертвенного животного, поджаренным на огне, отправил его спать.

Ранним утром Акото внезапно проснулся. Перед этим он увидел во сне Таки Мо, который наклонился над ним и сказал: «Пора!».

Акото вышел из хижины. Все люди племени ещё спали –

заря только занималась на востоке. Невдалеке юноша увидел крупного кенгуру, на которого была надета сбруя. Животное мирно объедало листочки с небольшого кустика. Захватив с собой три курдюка с питьевой водой, Акото забрался на кенгуру.

Никто из людей племени никогда даже не пытался ездить на этих животных. Все считали, что это невозможно. Но кенгуру, который ждал Акото, как будто бы знал, что нужно делать. Акото спокойно сидел на крупе животного, а кенгуру огромными прыжками нёсся по прерии прямо на восток, навстречу восходящему солнцу.

Много дней и ночей скакал Акото. Иногда он давал своему кенгуру отдых – подкрепиться и попить воды. Сам же Акото ничего не ел.

Наконец, наездник увидел вдали сверкающий Океан. До юноши донёсся рёв бури. Преодолевая сильный ветер, Акото выехал на берег. Он отправил кенгуру пастись, а сам упал на колени перед Океаном и стал молить его о прощении. Три дня и три ночи молился юноша, а буря всё не утихала. Огромные волны накатывались на берег и с шумом и брызгами разбивались о песок и прибрежные скалы.

Измученный дорогой и голодом, Акото впал в забытьё. Когда он очнулся, то увидел сверкающую на солнце тихую гладь Океана. Юноша понял, что Океан услышал его мольбы и простил людей. Акото встал и подошёл к воде. На мокром песке перед ним лежал прекрасный, ослепительно белый, иг-

рающий искорками на солнце камень.

– Благодарю тебя, Океан! – сказал юноша. – Ещё раз прошу тебя: прости род людской!

Акото взял священный камень, оседлал кенгуру и пустился в обратный путь…

Было раннее утро, когда Акото добрался до родных мест, но он не узнавал их! Вместо тростниковых хижин появились каменные дома, в которых жили незнакомые люди, носившие странные одежды. Вокруг были вспаханные и засеянные поля, по степи бродили стада овец.

Когда Акото слез с кенгуру, тот внезапно исчез. Акото захотел пить и нагнулся к реке. В воде он увидел своё отражение и не поверил своим глазам: на него смотрело лицо глубокого старика с копной абсолютно белых волос и с белой бородой. От людей он узнал, что пока он ездил на восток, в его родных местах прошла тысяча лет…

Акото разыскал са́мого старого шамана и рассказал ему свою историю.

– Да, я что-то слышал об этой легенде, – сказал шаман, недоверчиво покачав головой. – Но это было так давно! Может, на старости лет у тебя не всё в порядке с головой, мой друг?

Акото ничего не ответил. Он нашёл уединённое место, развёл костёр и положил в него священный камень. Он должен был выполнить свою миссию!

Камень начал испаряться, уменьшаясь в размерах. Ако-

то изо всех сил старался поддерживать огонь, но он так давно ничего не ел, что силы его были на исходе. Он подтащил к костру охапку сухого тростника и, лёжа около огня, подбрасывал стебли, поддерживая пламя. У него уже не было сил встать. Он понял, что умирает.

– О, Таки Мо! Услышь меня, – прошептал Акото. – Я всё сделал, как ты сказал, но у меня больше нет сил…

В тот же миг перед ним появился Дух Прерий верхом на кенгуру:

– Ты всё сделал правильно, Акото! Не печалься! Сейчас твоя душа отправится к Всевышнему. Пусть она возьмёт с собой остаток камня!

Голова Акото склонилась к земле. Его душа вылетела из тела и, подхватив из костра остаток священного камня, отнесла его Богу. Австралия была спасена!

Однажды в сибирской тайге

Однажды в самом центре сибирской тайги раздался барабанный бой. Звук разлетался по всей тайге, проникая в самые отдалённые её уголки. Все звери подняли уши и насторожились. Барабанный бой был приглушённый, но казалось, что он так и проникал в душу, так и звал к себе. И все звери пошли на этот зов.

Ближе всех оказалась Лисица. Она вышла на поляну и застыла в изумлении: к старому пню был прислонён шаманский бубен, а рядом с ним на задних лапах сидел обыкновенный Заяц и барабанил, что есть мочи.

– Ты что это расшумелся, Косой? – возмутилась Лисица. – Ты разве не знаешь, что одним из главных достоинств нашей тайги является тишина? Придётся, видно, мне тебя съесть!

– Если ты меня съешь, то не узнаешь, зачем я собираю всех зверей! – завопил Заяц, продолжая барабанить.

Лисица задумалась: а ведь и впрямь интересно узнать, что́ затеял этот зайчишка. Обычно зайцы наоборот стараются вести себя тихо, чтобы никто их не заметил.

– Ну, и зачем же ты всех собираешь? – Лисица подошла поближе.

– А вот, когда все соберутся, тогда и узнаешь! – прокричал Заяц и ещё сильнее ударил по бубну.

На поляну один за другим стали приходить таёжные зве-

ри. Слетелись даже птицы, и расселись на окружающих поляну деревьях.

– Ну что, все собрались?! – прокричал Заяц.

Было такое ощущение, что Заяц устал молчать всю свою жизнь, и теперь вопил, что было мочи:

– Тогда узнайте, зачем я вас собрал! Нам с вами необходимо выбрать царя зверей!

– Какого царя? Каких зверей? – все животные переглянулись и снова уставились на Зайца.

– Царя зверей нашей тайги! – завопил Заяц, продолжая колошматить по бубну. – Тут недавно туристы с телевизором на наше озеро приезжали. Так я подсмотрел: говорят, что в Африке живёт царь зверей Лев. Где Африка – а где мы! Зачем нам Лев? Нам нужно своего царя выбрать!

– Ну, ла-адно, я согла-асен быть царём!! Я ведь са-амый большой из вас! – прорычал Медведь.

– Как это «согласен»? – закричал Заяц. – Тебя что́, уже выбрали? Там, по телевизору, много про демократию говорили. У людей есть демократия, значит, и у нас должна быть. Я, например, против кандидатуры Медведя. Он в лесу ни с кем не считается, ведёт эгоистический образ жизни – всё для себя. Малину, например, не столько съест, сколько потопчет. А ведь и другие звери малины хотят! И птицы малину любят!

– Я тоже ду-умаю, что Медведь на роль царя не подхо-одит! – завыл Волк. – Даром, что большой, а ума не нажил. Царём следует выбрать вожака волчьей стаи! Он уже

привык быть вожаком. Мы быстренько со всеми зверями разберёмся!

– Вот то-то и оно! – подкатила Лисица. – Можно подумать, что вы, волки, не только о себе думаете. По вашему, «разобраться» со всеми, это значит – всех переловить и загрызть…

– А ты куда суёшься! – перебил Волк.– Подрасти сначала! Ты, что ли, много о других беспокоишься? Даром, что хитра!

– Вот как раз хитрым-то царь зверей и должен быть! – не унималась Лисица. – Чтобы и себя не обидеть, и чтобы другие думали, что всё в полном порядке. Предлагаю свою кандидатуру!

Вперёд осторожно вышел Благородный Олень.

– Да как же может хитрый царь управлять зверями? – робко начал Олень, оглядываясь на Волка и Медведя. – Он же всех обманет! Что же это за царь? Царь должен обо всех зверях заботиться, наиболее злых наказывать…

– Уж, не тебя ли царём-то избрать? – зарычал Волк. – Ты ж при первой опасности так припустишь, что и вся волчья стая не догонит!

Мелкие звери, которые расположились по краям поляны, что-то шумно обсуждали друг с другом, но не решались вступить в открытую дискуссию. Тут на середину поляны вышел большой Вепрь и обратился к Зайцу:

– Ты, Заяц, хоть скажи, как этот Лев выглядит-то. Может, мы похожего найдём?

– Он на большую кошку похож! – крикнул Заяц, стараясь перекричать общий шум. – Правда, по телевизору говорили, что сам он охотится редко. Только свою территорию охраняет, а еду ему, в основном, львицы добывают.

– Ну, на большую кошку больше всех похож Уссурийский Тигр, – подала голос всезнающая Росомаха. – Давайте, его и изберём. Хотя лично мне никакой царь не нужен. Я и так хорошо живу! Нам, хищникам, что́ главное – быстрые ноги и крепкие зубы. Вон, Волк – он знает!

– Да-а! Ты права, Росомаха! – поддержал Волк.– Только Уссурийский Тигр – он на Амуре живёт и в наших краях не появляется. Какой же из него царь?

Внезапно с верхушки сосны раздался щёлкающий звук. Это трещала Белка:

– Я знаю! Я знаю! Надо выбрать зверя в самой красивой шкуре! Предлагаю кандидатуру Снежного Барса. Красивее его серебряного меха, разве что, наши шубки зимой!

– Ты что? – захрюкал Кабан. – Снежный Барс в нашу тайгу со своих гор не спускается! Зачем нам царь из-за границы? Нет! Надо кого-то из наших выбрать!

– Вообще-то, из всех «наших» единственная «большая кошка» – это я! – раздалось откуда-то сверху.

Звери подняли головы и увидели Рысь, удобно расположившуюся на толстой нижней ветке сосны.

– К тому же, – продолжала Рысь, – мне сверху хорошо всех зверей видно. Но я не хочу быть, ни царём, ни царицей.

Зачем мне эти хлопоты?

– Угу! Угу! – раздалось с верхушки ели. Это закричал Филин и спустился пониже. – Я хоть не зверь, а птица, но мудрее меня вы вряд ли кого-нибудь найдёте, разве что ворона. Угу! Согласны ли вы выслушать меня? Угу?

– Давай, говори! – зашумели звери. – Сколько можно обсуждать! Пора уж и на охоту.

– Угу! Слушайте! Хоть я и сам – хищная птица, но считаю, что царём зверей вообще нельзя выбирать хищника. Царь не должен съедать своих подчинённых. Угу! Царём должен быть добрый, благородный зверь. Предлагаю на эту должность Северного Оленя.

– Ну-у-у, уж нет! – взвыл Волк. – Это как же: мы будем охотиться на зверей царской крови…

Волк не успел договорить. Внезапно налетел ветер, тёмная туча закрыла солнце. Когда ветер стих и снова стало светло, все звери увидели, что рядом с Зайцем стоит высокий седой старик с длинной бородой и в длинном золотом одеянии, на котором изображены деревья, холмы и долины. В правой руке у старика – посох из ствола молодой берёзки с зелёными листочками наверху.

Все звери сразу притихли, легли на землю и положили головы на передние лапы. Они узнали в старике Духа всех северных лесов Евразии. Да! Это был именно он – Диал Лэкс!

– Приветствую вас, жители сибирской тайги! – произнёс Дух. – Что за споры вы здесь ведёте? Какой вопрос решаете?

Все звери и птицы притихли. Никто не решался произнести ни звука.

– Ну, Заяц? – улыбнулся Диал Лэкс. – Ведь ты зачинщик! Давай, излагай, в чём дело.

Заяц прижал уши и сделал вид, что не слышит.

– Ты, голубчик, не притворяйся! – продолжал старик.– Заварил кашу, так отвечай!

– Я-я-я… – дрожащим голосом, еле слышно пробормотал Заяц. – Я д-д-думал, м-может, нам царя зверей избрать…. Если честно, то я сначала вообще ничего не думал, да вот нашёл шаманский бубен. Ты же знаешь, как мы, зайцы, любим барабанить. А потом Лисица подошла и пригрозила меня съесть. Вот я и ляпнул со страху, что в голову пришло…

– Ах ты, Косой! – ласково сказал Диал Лэкс и погладил Зайца по голове. – Вот, что значит шаманский бубен – все пошли на поводу у Зайца. А нужен ли вам вообще царь зверей? Ведь на царя работать надо! А каждый из вас только для себя старается. Правда, не могу не согласиться с Филином: больше всех такого звания достоин Северный Олень, хотя бы за его заслуги перед человеком. Но что́ ему проку, если вы его даже и царём изберёте? Как жили олени, так и будут жить, как служили людям, так и будут служить…. А царь у каждого в голове́ должен быть! Как же жить «без царя в голове»? Так что расходитесь мирно по своим делам, не ссорьтесь, и живите так, чтобы каждый из вас был достоин должности царя зверей. А пока вы никого не избрали, уж я сам

постараюсь среди вас порядок наводить.

Диал Лэкс стукнул посохом о землю, сказал «Да будет так!» и исчез.

Все звери медленно стали расходиться в разные стороны. Только Заяц ещё долго лежал около пня, прижав уши.

Сибирский шаман Торсу́н пришёл домой после ритуала, который он проводил на поляне в тайге, и вдруг обнаружил, что где-то потерял бубен. Для шамана потерять бубен – плохая примета, и Торсун немедленно отправился обратно. На лесной поляне он увидел свой бубен, прислонённый к старому пню. Рядом с бубном лежал заяц, и это было хорошим знаком. Увидев шамана, заяц вскочил и дал стрекача. А Торсун поднял свой бубен, ударил по нему несколько раз и направился к дому…

Слёзы радости
(быль)

Семнадцатый век. На юге нынешнего штата Аризона, почти на границе с Мексикой играют весёлую свадьбу. Рекой льётся вино. Задорно звучит национальная мексиканская музыка. Музыканты весело подпевают и притопывают в такт, гости пляшут. В центр круга выходит пара приглашённых танцоров – Матильда и Карлос. Под звук кастаньет гибкая прекрасная Матильда, одетая в пышное красное платье, кружится в искромётном танце. Её муж и партнёр Карлос – воплощение силы, мужества и достоинства. На нём национальные кожаные одежды с бахромой и огромное мексиканское сомбреро.

Матильда и Карлос – профессиональные танцоры. Их часто приглашают на свадьбы, праздники, карнавалы. Этим они зарабатывают на жизнь.

Но вот праздник окончен. Супружеская пара, получив заработанные деньги, садится верхом на лошадей и отправляется домой – в небольшую мексиканскую деревушку на юге штата, где ждёт их десятилетний сын Антонио, которого они называют Тони́то.

Когда Тонито появился на свет, родители были счастливы. Они мечтали, что их сын (а потом обязательно и дочь!) про-

должит их дело, станет прекрасным танцором. Уже с полутора лет Тонито, глядя, как танцуют родители, начинал прихлопывать, притопывать, кружиться и подпевать. У мальчика явно были способности к танцам.

Беда свалилась внезапно: детский церебральный паралич – и с двух с половиной лет Тонито оказался «прикованным» к кровати. Иногда его возили в кресле, к ножкам которого были приделаны маленькие колёсики. Матильда и Карлос побоялись заводить второго ребёнка. Горе лишало их сил, и требовалось много мужества, чтобы на праздниках их танцы оставались задорными и искромётными. Первое время у Матильды даже во время танца текли слёзы.

Сейчас Тонито исполнилось уже десять лет. Он с трудом говорит и почти не может ходить. Когда родители уезжают по вызову, с мальчиком остаётся за небольшую плату соседка. Вернувшись домой после бурного праздничного веселья, родители окунаются в давящую тяжёлую грусть…

Однажды Матильду и Карлоса пригласили танцевать на свадьбу в небольшую деревушку на севере Мексики. После очередного танца Матильду подозвала к себе маленькая седая старушка:

– Что за горе у тебя, милая? Пляшешь ты весело, а внутри у тебя слёзы стоят… Вижу я, что сын твой болеет…

Матильда еле удержалась от слёз:

– Да… болеет… А ты откуда знаешь?

– Я много чего знаю, милая… и вижу, как ты страдаешь…

Я многих вылечила. Если хочешь, могу вылечить и твоего сына, но от тебя это потребует большой жертвы.

Матильда не поверила:

– Как же ты его вылечишь? Он уже много лет с трудом говорит и двигается.

– Как вылечу – это моё дело! Не пройдёт и полугода, как будет плясать не хуже отца. Да только ты окажешься на его месте. Подумай!..

Тут к Матильде подошёл Карлос – их снова позвали на танец. Весь остаток праздника Матильда двигалась как-то машинально. Из головы не выходили слова старушки. А старушка весь вечер не спускала глаз с прекрасной танцовщицы.

Когда настала пора уезжать, Матильда подошла к целительнице:

– Я согласна! Но где гарантия, что он вылечится?

– Никаких гарантий, милая. Только моё слово. Но ты поняла, что сама окажешься на его месте? Ты не сможешь больше танцевать!

– Поняла! Я согласна, только вылечи Тонито!

Старушка достала маленькую бутылочку с какой-то настойкой. Зажав её в ладонях и закрыв глаза, она долго что-то шептала. Потом протянула бутылочку Матильде:

– Мужу не говори! Как придёшь домой, дай мальчику выпить – только всё сразу – и пусть ложится спать. Если передумаешь, вылей снадобье под куст и скажи: «Заговор уйди

и обратно не возвращайся!».

– Что я тебе должна? – спросила Матильда.

– Ничего ты мне не должна. Да поможет тебе Святой Патрисио!..

Матильда спрятала бутылочку в сумку около седла. По возвращении домой, она дала сыну снадобье и уложила его спать…

Наутро супругов разбудил крик мальчика:

– Мама! Мама! Я могу ходить!!

Карлос вскочил с кровати. Рядом стоял Тонито и с удивлением смотрел на свои руки и ноги.

– Матильда, ты посмотри! – воскликнул Карлос.

Но Матильда не отвечала. Она лежала на кровати. Из её глаз текли слёзы. Но это были не слёзы горя. Это были слёзы радости. С трудом ей удалось объяснить Карлосу, что́ произошло. Он прижал её к груди, и они долго сидели так, не произнося ни слова.

Тонито с каждым днём двигался и говорил всё лучше и лучше. И Карлос начал обучать его танцам. Старушка сказала правду: не прошло и полугода, как Тонито танцевал наравне с отцом. Они вместе стали ездить по вызовам. В одинаковых костюмах, в больших мексиканских сомбреро, один большой, другой маленький, они танцевали так слаженно и задорно, что пользовались не меньшим успехом, чем когда-то Матильда с Карлосом.

Через год Матильда родила дочь. Девочку назвали Грэ́й-

сиа. У Грэйси́ты, как и у брата, с малых лет проявилась способность к танцам, но её миновали тяжёлые болезни…

Прошло пять лет. Карлос, Антонио и Грэйсита уже танцевали вместе на очередном празднике. Маленькая, гибкая, грациозная, в таком же, как и у мамы, пышном красном платье, с такими же, как и у мамы, чёрными вьющимися волосами – Грэйсита восхищала всех! А Матильда сидела в кресле, наблюдала за прекрасным танцем, и из её глаз текли слёзы радости…

Сказка о дальневосточном тюлене

Жил-был на свете тюлень Тишка. Жил он в морях Дальнего Востока и назывался «дальневосточной нерпой». У Тишки была очень красивая блестящая шкура с серебристо-серыми пятнами и подпалинами. Плавал он вместе с тюленями из своей стаи на большие расстояния. Бывал и на острове Сахалин, и в Чукотском море, проплывая по Берингову проливу. Любили тюлени отдыхать на восточном мысу Чукотского полуострова или в районе города Анадырь. Там собирались на отдых большие колонии разных видов тюленей и моржей.

Больше всего Тишка любил плавать и ловить рыбу. Однажды в погоне за добычей в районе Курильских островов он развил такую большую скорость, что не заметил, как вместе с косяком рыбы попался в рыбачью сеть. Тишка заметался, пытаясь вырваться. Он не мог всплыть на поверхность воды, чтобы сделать вдох, и стал задыхаться. От недостатка воздуха тюлень потерял сознание и не видел, как оказался на борту тральщика – рыболовного судна, вышедшего на промысел недалеко от острова Сахалин.

Увидев в сети неподвижного тюленя, рыбаки хотели выбросить его в море – они решили, что тюлень уже мёртвый. Но Тишка пошевелил ластами и издал хриплый звук – на воздухе он стал приходить в себя. Рыбаки позвали капи-

тана корабля.

– Ну, и что нам с ним делать? – спросил капитан. – Какой-то он полудохлый. Боюсь, в море не выживет. Давайте, отвезём его в океанариум. Может, там его выходят…

Так Тишка оказался в одном из дальневосточных океанариумов. Над ним взяла шефство очень милая девушка Лена. После того, как тюленя осмотрел ветеринарный врач и выяснил, что Тишка абсолютно здоров, Лена стала его приручать. Огромные умные Тишкины глаза тронули её сердце. Между тюленем и его тренером завязалась настоящая тёплая дружба.

Чему только ни научила Лена своего тюленьего друга! Каких только трюков он ни выполнял! В океанариум приходили целые семьи с детьми. Дети от Тишки были в полном восторге, особенно, когда он приносил мячик и отдавал его прямо в руки маленькому зрителю, глядя на него своими огромными грустными глазами.

Прошло три года. Как-то так получилось, что из-за роста цен океанариум перестал приносить доход. Его было решено расформировать. Часть животных отправили в другие океанариумы, часть – выпустили в море. Среди отпущенных на свободу животных был и Тишка. Прощаясь с ним, Лена плакала, а Тишка всё не хотел уплывать в открытое море, всё ждал, что его друг и тренер поплывёт вместе с ним…

Прошло пять лет. Жарким летним днём Лена пошла на пляж и решила искупаться в море. Погода была прекрас-

ная, а Лена была великолепной пловчихой, ведь она работала тренером морских животных. Девушка заплыла очень далеко и вдруг, к своему изумлению, увидела на поверхности воды спинной плавник большой акулы. Никогда раньше в дальневосточных морях большие белые акулы не встречались, поэтому люди не боялись купаться в море.

Лена понимала всю опасность ситуации – акула явно направлялась к ней! Чтобы лучше видеть и достойно встретить хищника, девушка нырнула. Акула была огромной, и нельзя было сомневаться в её намерении пообедать человеком. Лена хотела позвать на помощь, но все купальщики и спасатели были около берега, а Лена заплыла далеко в море.

Девушка снова нырнула. Акула была уже совсем близко и даже раскрыла огромную пасть, как вдруг, откуда ни возьмись, наперерез хищнику бросился тюлень. Обычно тюлени стараются избегать встреч с акулами и даже умеют виртуозно уворачиваться от них. Этот же тюлень плыл прямо наперерез акуле! И вдруг Лена узнала: Тишка. Она даже крикнула: «Тишка, стой!», но чуть сама не захлебнулась. Тишка вильнул хвостом перед самым носом гигантской акулы и, видимо, хотел увернуться, но не успел. Акула сделала рывок, и вода вокруг окрасилась в красный цвет…

Сытая акула не стала преследовать девушку и скрылась в морской глубине. А Лена плыла к берегу и с трудом двигала руками – рыдания душили её. Она поняла, что тюлень Тишка сознательно пожертвовал своей жизнью, чтобы спа-

сти её жизнь – жизнь своего человеческого друга…

Императорский пингвин

Вам приходилось видеть птицу красивее и благороднее императорского пингвина?.. Ах, вы вообще не видели императорских пингвинов?.. Не может быть!.. А по телевизору?..

Самая середина лета в Антарктиде – январь месяц. Самки императорских пингвинов откладывают яйца… В гнёзда?.. Что вы! В гнезде было бы слишком холодно! Самочка откладывает одно единственное яйцо и сразу берёт его на лапки, грея в пушистых пёрышках под животом. К ней подходит её супруг и бережно-бережно – не уронить!.. не остудить!.. не разбить!.. – самочка передаёт ему яйцо. С лапок на лапки – прямо в тёплые пёрышки отца. Сама же уходит отдыхать после «родов» – уплывает охотиться и набираться сил.

А папа-пингвин целый месяц вынашивает на лапках своего будущего ребёнка. Так и ходит с яйцом на лапах – не уронить!.. не остудить!.. не разбить!.. Он не может оставить драгоценную ношу и пойти охотиться.

Через месяц из яйца вылупляется пушистый комочек. Его нельзя оставить – он сразу замёрзнет на антарктическом льду. И папа-пингвин носит своего малыша – так же, на лапах, под тёплым пушистым животом. Носит целых три месяца! Да! Он четыре месяца ничего не ест! При этом он всё время подкармливает своё дорогое дитя, отрыгивая еду из специального зоба. Перед тем, как принять яйцо от любимой

супруги, он создаёт этот запас, охотясь в море.

В южном полушарии наступает осень. Крепчают морозы. Все отцы-пингвины сбиваются в кучу, грея друг друга и своих детей. Они чередуются: те, кто уже согрелся внутри стаи, уходит на внешний круг, а кто стоял снаружи и замёрз, идут греться внутрь. Они делают общее дело: растят своих детей. Ни ссор, ни борьбы за лучшие места – только так можно выжить!

И вот прошло четыре месяца. На берег начинают выходить отдохнувшие и набравшие в море запас еды и сил мамочки-пингвинихи. Теперь их очередь. Они принимают на лапки своё подросшее дитя… А отцы – отцы уходят в море.

Но в Антарктиде уже глубокая осень. Морозы доходят до минус шестидесяти градусов по Цельсию! И так же, как их мужья, мамочки растят и греют детей все вместе, уступая тёплое местечко в середине тем, кто уже замерзает снаружи.

А пингвинята растут. Им надоедает сидеть под животом у матери. Детское любопытство уже через месяц побуждает их выпрыгивать из тёплого укрытия, и только жуткий холод заставляет вернуться обратно. Наиболее любопытные дети могут и потеряться. Не все пингвинята выживают. Кто-то может замёрзнуть, потеряв свою маму, кто-то – стать жертвой хищных морских птиц – фрегатов, альбатросов. Но потерявшегося малыша может приютить и чужая мама, лишившаяся своего детёныша.

Одного пятимесячного пингвинёнка просто распирало от любопытства. Он постоянно высовывал голову из тёплого материнского пуха и всё время норовил выскочить. Ему казалось, что вокруг так же тепло, как и на лапах у мамы. Однако строгая мама-пингвиниха сразу загоняла своё чадо обратно – она-то понимала, что малышу ещё рано вести самостоятельную жизнь.

Однажды, когда мама-пингвиниха задремала внутри сбившейся в кучу стаи, любопытный малыш всё-таки выбрался из тёплого пуха и решил обследовать окрестности. Он пробрался между другими мамочками и поковылял на своих коротеньких лапках посмотреть, что это там блестит. А блестело всё вокруг, потому что был ясный солнечный день. Малыш и не заметил, как оказался на скользком склоне и покатился вниз. Назад пути не было – он ещё не умел забираться наверх по крутым склонам. Пингвинёнок громко пискнул несколько раз, но мама не отозвалась, и малыш пошёл. Он не думал о том, куда он идёт. Просто шёл – и всё. Вдали показалось что-то тёмное, и пингвинёнок направился туда – может быть, именно там его мама?..

Матвей вышел из тёплого зимовья, держа в руках большой сачок. На улице было «тепло»: всего лишь минус 42 градуса по Цельсию. Полярник с наслаждением вдохнул свежий воздух, зажмурился от яркого солнца.

Вот уже полгода, как он работает в антарктической экспе-

диции – сбылась его мечта. Дружная весёлая команда, интересная, а главное, любимая работа – что ещё нужно молодому, двадцатипятилетнему парню?

Матвей слегка размялся, умылся чистым снегом и, подхватив сачок, пошёл по направлению к «аквариуму». «Аквариумом» полярники называли ледяную «ванну», в которой вода замерзала почему-то не очень быстро и, видимо, слегка прогревалась на солнце, так как в этой «ванне» постоянно плавали мелкие рыбёшки. Полярники подхватывали мальков сачком и варили что-то вроде рыбного супа со снетками. Они даже прорубили во льду ступени, чтобы легче было пробираться к поверхности воды и взламывать образовавшийся за ночь прозрачный лёд.

Подходя к «аквариуму», Матвей услышал какой-то писк – то ли мяуканье котёнка, то ли крик чайки? Заглянув в «ванну», полярник увидел скользящего по льду и барахтающегося птенца императорского пингвина.

– Ничего себе! Ты откуда взялся, пушистик? – Матвей оглянулся по сторонам, но нигде не видно было ни одного пингвина.

Пытаясь выбраться из «ванны», пингвинёнок отчаянно пищал. Видимо, он уже выбился из сил, потому что периодически замирал и закрывал глаза. Медлить было нельзя! Как кстати оказался сачок! Матвей вытащил из «аквариума» пушистое создание и поспешил к дому.

В зимовье сидел Леонид и снимал какие-то показания

с приборов. Увидев вошедшего Матвея с сачком, сказал:

– Ну что, принёс? Ставь воду. Картошку я уже начистил.

– Ты собираешься сварить суп из этого пушистого чуда? – спросил Матвей и поднял повыше сачок с пингвинёнком.

Леонид повернулся и широко открыл глаза:

– Ты что, с ума сошёл? Зачем ты его поймал? Он же погибнет без родителей!

– Понимаешь, я его не поймал. Я его выудил… Из «аквариума». А родителей его нигде не видно. Наверное, сбежал от родительской опёки, – пошутил Матвей. – Ну, а если серьёзно, то он совсем замёрз. Ты, Лёнь, давай-ка, согрей его как-нибудь – хоть к себе под пузо запихни. А я за мальками схожу. Его же накормить надо!

Матвей передал пушистый комочек в руки Леониду и, взяв сачок, вышел на улицу. Через несколько минут он вернулся с сачком, наполовину заполненным мелкими рыбёшками.

– Слушай, Лёнь, а ведь он, наверное, ещё не может целую рыбку проглотить, а? Как ты думаешь? Их ведь родители из зоба кормят?

– Да уж! Мороку ты себе приволок… Может отнести его в стаю?

– Да где она, стая-то? Я все окрестности, пока ходил, обозрел! Нигде ни одного пингвина!.. Сейчас я что-нибудь придумаю…

Матвей положил в миску несколько рыбёшек и раздавил

их вилкой:

– Ну вот, смотри: детская рыбная каша получилась.

– А детская рыбная ложка для кормёжки пингвинят у тебя есть? – съязвил Леонид. – Что ещё Мишка скажет, как вернётся со своих «этюдов»? Ведь это чадо, небось, и по ночам пищать начнёт!

– Зато Мишка будет с натуры подрастающее поколение пингвинов рисовать! – торжественно заявил Матвей. Он взял у Леонида пингвинёнка, посадил к себе на колено и постарался запихнуть ему в клюв «рыбной каши».

Но пингвинёнок не захотел открывать рот. Он испуганно озирался по сторонам и жалобно попискивал. Пришлось насильно открыть пингвинёнку рот и запихнуть кусочек еды. Малыш проглотил, пискнул и сам открыл клюв для следующей порции «каши».

– Ур-ра! Смотри! Понравилось! – воскликнул Матвей, но пингвинёнок вздрогнул от этого возгласа и чуть не свалился с коленей своего кормильца.

В дом вошёл Михаил.

– Ты что, с ума сошёл?! – воскликнул он, увидев, как Матвей запихивает двумя пальцами в рот пингвинёнку кусочек еды.

– Ну вот! И ты туда же! – огрызнулся Матвей. – Что нам его – на мороз выбросить, пусть погибает?

Выяснив обстоятельства дела, Михаил вздохнул и заявил:

– Ладно! Я как ваш начальник постановляю: пусть жи-

вёт! Благо есть, чем кормить. Но чтобы не в ущерб работе! А то будете целый день крутиться вокруг этого чуда!.. Кстати, надо ему и имя дать… Только какое-нибудь помудрёнее – он же императорский пингвин!.. Ну, скажем, Альберт или Рудольф…

– Ты считаешь, что он похож на Альберта… – сыронизировал Матвей. – Этот-то комочек пуха? Пусть будет Сашка. А вырастет, станем звать Александром… Что, разве не годится для императорского пингвина?

– А если твой Сашка окажется пингвинихой? – подал голос Леонид.

– Ну, тогда будет Александрой – всё чин по чину! – Матвей нагнулся к пингвинёнку. – Ты как, согласен быть Сашкой?

Пингвинёнок пискнул, поднатужился и выложил на брюки Матвею небольшую беловатую кучку.

– Ах, ты… – только и сказал Матвей и ссадил малыша на пол. – Но твой писк означает, что ты согласен на «Сашку», так?

– Он у нас будет вместо кота, – сказал Михаил.

– Пушистого кота, замечу! – подхватил Матвей.

Не прошло и двух дней, как Сашка стал всеобщим любимцем. Правда, его неуёмное любопытство доставляло полярникам немало хлопот. Куда только ни совал Сашка свой пингвиний нос! Все приборы даже приходилось закрывать чехлами, когда пингвинёнка оставляли дома одного. Зато

«дела свои» Сашка делал в одном и том же углу. Туда стали подстилать газету, и вопрос с чистотой помещения был решён.

Когда Сашка хотел есть, он подходил к Матвею, запрокидывал голову, трепыхал крохотными крылышками и быстро-быстро пищал, будто посылал сообщение азбукой Морзе.

Пингвинёнок быстро рос. У него стало появляться оперение. Ему уже не нужно было делать «кашу» – он съедал целых рыбок, а вскоре начал и сам наведываться за пропитанием в «аквариум». Сашка часто гулял на улице вместе с полярниками, внимательно следил за всем, что они делали. Его любознательность с возрастом нисколько не уменьшилась. Иногда он оставался на улице один – ему уж были не опасны хищные морские птицы. Никогда он не уходил далеко от зимовья. Троих полярников он считал своей стаей.

Однажды Михаил пошёл обедать и оставил на улице мольберт со своими красками. После обеда он вышел, но сразу вернулся обратно и аккуратно притворил дверь.

– Скорее, скорее идите сюда. Смотрите, – зашептал Михаил и приоткрыл дверь.

Выглянув, друзья увидели, что Сашка держит в клюве кисточку, макает её в краски и водит ею по холсту на мольберте. Появление полярников его нисколько не смутило – он продолжал заниматься рисованием.

– Ну, всё, Мишка, пропал твой пейзаж! – с шутливой горечью произнёс Леонид.

– Ничего, не отчаивайся! – добавил Матвей. – Вернёшься на большую землю, будешь картины Сашкины за бешеные деньги продавать! Представляешь, вывеска: «Выставка-продажа картин, нарисованных императорским пингвином Сашкой?..». Нет, «Александром Первым!».

С тех пор на улице невозможно стало оставлять мольберт – Сашка немедленно принимался за дело…

Прошло полгода. Полярники стали готовиться к отъезду. Должна была прилететь новая смена.

– Что с Сашкой делать будем? – спросил Михаил. – Не с собой же его везти!

– Ну, а что, придётся оставить новым хозяевам, хоть и жалко, конечно… – сказал Матвей и потрепал Сашку по холке.

Пингвин переводил глаза с одного полярника на другого и, казалось, внимательно слушал.

На следующий день Сашка исчез. Понял ли он, что скоро уедут его друзья, или просто наступало время пингвиньих свадеб – кто знает? А картины, нарисованные Сашкой, друзья поделили между собой. Эти картины заняли в их домах почётные места.

Цветы сакуры
(быль)

Цветущий сад в Японии. Предзакатное голубое небо с бледно-розовыми облаками отражается в маленьких прудах. Живописно разбросаны большие красивые камни. Кажется, что местами свет облаков сливается с нежнейшим кружевом цветов сакуры, которыми окутаны тёмно-коричневые веточки японской вишни. Люди стоят, сидят, кто-то даже полулежит, в задумчивой медитации любуясь прекрасными сакральными цветами.

Восьмилетний Самхи́то вот уже который год использует каждую возможность полюбоваться этой красотой. Сначала его приносил на руках отец. Теперь он прибегает сам и сидит на земле, скрестив ноги, не отрывая восхищённого взгляда от бело-розовой пены цветов.

Вдруг на дерево опускается галка и начинает склёвывать нежную красоту. Надо бы прогнать птицу, но Самхито не хочется шевелиться. Он зачарован созерцанием, а галка склёвывает цветы, и в голову мальчика приходят мысли о бренности всего в этом мире.

«Эти прекрасные цветы – как же они недолговечны! Через несколько дней они облетят. Вот и птице – ей всё равно, красивы ли они. Ей, наверное, нужны витамины, и она

клюёт цветы. Из них уже не появится плодов. Они дали людям радость и умерли… Когда-нибудь умрёт и эта птица… Почему же всё приходит и уходит?.. Почему одни существа уничтожают других?.. Неужели так было всегда? И неужели всегда так будет?..»

Самхито продолжает молча созерцать цветущую сакуру, а его сознание переносится на два столетия назад – в XVIII век…

…Его зовут Хасу́ро. Он оканчивает императорскую школу самураев. Вместе с ним оканчивает школу и его друг Сано́то, с которым они вместе росли и вместе учились. Впереди – выпускной экзамен! Предстоит суровое испытание, предстоит смертельная битва. Тот, кто победит, будет служить императору во благо Японии. Они и пошли в эту школу, чтобы служить своему императору, чтобы служить своей стране. В минуты отдыха они часто строили планы на будущее: как будут вместе служить, как будут вместе сражаться.

И вот наступает день экзамена, день испытаний. Учитель Самомо́то делит 150 выпускников школы на две группы по 75 человек. Одна группа надевает белые кимоно, другая – красные. Предстоит групповое сражение – не на жизнь, на смерть. Это уже не учебный бой. Это уже экзамен. Сам император будет наблюдать за предстоящим сражением! Бой будет продолжаться два часа. Тому, кто выстоит, предстоит продолжить испытание.

Хасуро и Саното сражаются в одной группе в красных кимоно. Они привыкли сражаться рядом, поддерживая и выручая друг друга. Их друзья по школе, одетые в белые кимоно, теперь их враги. Никакие дружеские связи не должны влиять на холодное и преданное только императору сердце самурая!

И вот двухчасовой бой закончен. Из 150-ти человек девять убиты, многие ранены и не могут продолжать испытание, но никто из них не попросил о пощаде!..

Ко второй части экзамена оказались готовыми лишь 56 выпускников. Учитель составляет пары. Теперь будущие самураи должны сражаться один на один!

Хасуро кажется, что его ударили: ему в пару Учитель поставил его друга Саното. Это испытание не только на доблесть в сражении. Это испытание на холодное сердце!

Выпускники начинают бой… На кимоно всех сражающихся выступают бурые пятна крови. Тела погибших сразу уносят с места сражения.

…Бой длится уже почти два часа. И Хасуро, и Саното уже ранены. Их силы на исходе. В голове Хасуро пульсируют слова: «Холодное сердце! Холодное сердце!..». И вдруг Саното открылся. Один удар мечом – и Хасуро выйдет победителем и будет служить своему императору. Но рука застыла в воздухе: Хасуро увидел глаза своего друга. Как часто он смотрел в эти глаза! Как часто эти глаза смеялись! Сейчас же Хасуро не узнавал их – в глазах друга была только злость, в них отражался холод его сердца.

Саното ударил мечом, и Хасуро не успел защититься. Он упал на землю. Саното бросился к умирающему другу. В его глазах теперь было отчаяние. Он приподнял голову Хасуро и услышал его последние слова:

– Ты… оказался сильнее… Я горжусь тобой… и жалею только об одном: я не смогу… послужить моему императору, моей стране!..

После двухчасового сражения смогли выстоять16 человек. Они и составили свиту императора. Им присвоили звания императорских самураев…

…Самхито пришёл в себя: «Что это было? Сон? Воспоминание?.. Да! Это было со мной, только очень давно! И я не смог тогда послужить императору! Значит, я должен сделать это в этой жизни! Я должен пойти на службу!..».

Солнце закатилось за горизонт. Пора было идти домой…

В семье японского инженера – отца Самхито было семеро детей. Самхито был четвёртым. Когда началась Вторая Мировая война, два старших брата мальчика уже служили в армии. Самхито был ещё слишком молод, но его постоянно преследовала одна мысль: «Неужели война закончится, а я так и не успею послужить императору?». И юноша подделал своё свидетельство о рождении. В 1942-м году ему было всего 15 лет, а по свидетельству выходило все 19. Самхито сам пришёл в пункт регистрации, и его призвали на флот. Он всегда выглядел старше своих лет, был не по годам взрос-

лым, и ему поверили.

Самхито стал юнгой на японском боевом корабле и прослужил почти три года. В самом конце войны, в 1945-м году в Японском море встретились два корабля – японский и русский. Завязался бой. Море штормило. Большие волны захлёстывали палубы, но все моряки мужественно сражалась. Когда погиб расчёт у корабельной пушки, Самхито сам встал к орудию и стал стрелять по кораблю противника. Но русский корабль подошёл вплотную, и российские моряки взяли японский корабль на абордаж. Самхито внезапно почувствовал резкую боль в левом виске – пуля, выпущенная русским матросом, настигла его. Смерть была почти мгновенной.

В том бою победили советские моряки. Японский корабль отбуксировали к российским берегам, а погибших японцев похоронили в общей могиле. Родители юнги так и не узнали, как погиб их сын и где он похоронен.

…И было Самхито всего лишь 18 лет, как и тем самураям – выпускникам императорской школы…

…Это была очередная инкарнация индийского йога Тота Пури.

Кали Ду Ара
(быль)

На высоте около тысячи двухсот метров над уровнем моря, в горах Гондураса в XVIII веке была деревня. В ней жили невысокие коренастые люди, которые по национальности были, в основном, индейцами, испанцами или происходили из смешанных семей, как, например, Кончи́та. Её мать была испанских кровей, а отец был родом из индейского племени манугов, которое проживало ниже по течению реки на расстоянии 180-ти километров от деревни Кончиты. Её отец был шаманом, и дочку очень увлекало его искусство. Она хотела, когда вырастет, тоже стать шаманкой. Однако отец умер, когда Кончите едва исполнилось восемь лет, и она не успела почти ничему научиться.

Мать Кончиты Мария осталась с восьмилетней дочерью и двухлетним сыном Коба́то. В горах климат суровый, переменчивый, земли́ для возделывания немного, да и нельзя назвать её очень плодородной. С лихвой хлебнула Мария тягот одинокой вдовьей жизни и всё мечтала, что подрастёт Кончита, выйдет замуж, и появится у них в семье работящий молодой зять. Но Кончита не оставила своей мечты, и когда соседский парень Ма́уро пришёл к ней со сватами и протянул красную ленту, девушка отказалась её брать.

– Ты замечательный! – сказала Кончита, отклоняя значимый подарок. – Если бы я хотела выйти замуж, я бы лучшего парня не нашла. Я очень благодарна вашей семье за то, что помогали нам землю пахать на ваших волах, за то, что не оставляли в трудную минуту. Но я не хочу сейчас замуж. Я хочу учиться…

– Учиться? Где? Чему? – изумился Мауро.

– Я… я, как отец… хочу стать шаманкой. Ведь с тех пор, как он умер, так и не было шамана в нашей деревне…

– Так ведь шамана, а не шаманки! – перебил Мауро. – Кто ж тебя призна́ет?! Ты же женщина! А шаманом только мужчина может быть! Выброси ты эти глупости из головы! Выходи за меня, не позорь. Наши родители уже обо всём договорились! Я был уверен, что ты согласишься, столько лет дружили!

– Прости, Мауро! Не могу! Я, правда, ещё матери не сказала – она тоже против будет, но я всё равно уйду! Пойду учиться к индейцам – в родное племя моего отца.

– А примут они тебя? Там ведь тоже только мужчины шаманят.

– Не знаю… Попрошусь… Может, помнят они ещё отца? Он ведь иногда их навещал…

– Ну, смотри… – обиделся Мауро. – Больше предлагать не буду!

Юноша повернулся к Кончите спиной, и вся процессия: отец Мауро, его брат и два друга, гордо подняв головы

с оскорблённым видом ушли прочь.

Уж Мария и кричала на Кончиту, и плакала, и уговаривала. Но девушка осталась непреклонной:

– Я всё равно уйду! Кобато уже 12 лет – он теперь и сам помощник. Управитесь, как-нибудь… Да я и ненадолго – выучусь и приду. Будет и у нас в деревне шаман.

– «Шаман»!.. Да ты с ума сошла! Кто ж тебя призна́ет-то? Мужчина ты, что ли – шаманом стать?! Беги к Мауро, повинись, пока не поздно. Может, ещё простит, если любит.

– Ты́ меня прости, мама, но не могу я… Да и не люблю я его. Он, конечно, хороший…

– Любви захотела!.. – взвилась Мария. – Много ли девок по любви-то выходят? Хороший парень, работящий, непьющий – чего ещё надо?!

– Прости, мама… – тихо сказала Кончита и вышла из дома.

На следующее утро Кончита собралась в дорогу. Она взяла с собой деревянную миску, топор, нож, крупу, немного сыра и рыболовные снасти. Захватила тёплую тужурку из шкуры перуанской ламы – чтобы ночами было теплее, и отправилась в путь. Она пошла по дороге вдоль реки. По этой дороге когда-то ездил на лошади навестить родное племя её отец Шаку́ро. Пару раз он брал с собой и Кончиту.

Неделю добиралась девушка до племени индейцев. Дорога шла, в основном, под гору. Кончита разводила на ночь костёр, замачивала крупу в миске, ловила рыбу, обжаривала её

на огне и пила чистую воду из бурной горной реки. Эта река то неслась кипящим потоком по узким каньонам, то разливалась широкими заводями до очередных порогов. А ночь девушка проводила на деревьях. Она с детства любила по ним лазить.

Наконец, добралась Кончита до родного племени её отца. Индейцы жили на берегу той же реки, что протекала и в деревне Кончиты. Только здесь река была уже намного спокойнее, текла по равнине. На её берегу располагались индейские дома: по несколько небольших хижин на одном помостье на столбах – в тех местах водилось много кусачих тварей. Ходили люди почти без одежды – жарко, не то, что в горах. А джунгли – совсем не знакомые Кончите джунгли – таили в себе много неизведанного.

По счастью, вождь – он же и шаман племени, который знал её отца, был ещё жив. Индейцы приняли девушку спокойно, поселили в одной из хижин. Вождь Калу́ Той То́ко, однако, с недоумением отнёсся к желанию Кончиты изучить шаманское искусство.

– Погостить – погости! – качая головой, сказал старый вождь. – А шаманить тебе ни к чему! Не женское это дело! Вот если бы пришёл сын Шакуро…

– Кобато не хочет быть шаманом! Я хочу! – настаивала девушка.– Ну, чем я хуже мужчины?

– Чем хуже? – поднял брови Калу Той Токо. – А сила, а прыть, а выносливость? Ты из лука стрелять умеешь? А ко-

пьём владеть?..

– Я научусь! Я научусь, отец! Можно я так буду тебя называть? Моего-то отца уж десять лет, как не стало! Можно я стану твоим сыном?

Старый вождь надолго задумался. Кончита стояла молча, опустив глаза, и боялась услышать ответ.

– Давай, так, – наконец, проговорил Калу Той Токо. – Даю тебе сроку пять лун. Научишься быть мужчиной – так и быть – научу тебя шаманить. А нет – так отправлю к матери коров доить да лам стричь… Ну, чтобы тебе легче было, дам тебе в учителя Сатóхо – есть у меня такой парень. Шустрый, охотник хороший. Если уж он тебя не научит, так и никто не сможет!

Вождь помолчал, посмотрел на небо.

– Но знай! Только в память о твоём отце! А вообще место женщины у очага…

Старый вождь с трудом поднялся, подошёл к одной из хижин и позвал:

– Сатохо!.. Выйди ко мне!.. Вот посмотри: видишь эту красивую девушку?.. Даю тебе поручение: за пять лун сделать из неё мужчину…

– Как это? – не понял появившийся из-за хижины молодой индеец. – Как же я могу из женщины мужчину сделать? Даже духи этого не могут!

– Да нет! – засмеялся Калу Той Токо. – Её надо научить мужскому делу. Её отец был моим другом. Ну, хочет де-

вушка освоить мужскую работу. Давай, попробуй. Только не очень усердствуй. Что выйдет – то выйдет. А не выйдет – мы её замуж отдадим. Ей это больше пристало!

И вот началась учёба, но сначала Кончиту переодели – в её тёплой одежде, рассчитанной на горный климат, она не могла бы жить в тропиках.

Первым делом Сатохо стал учить Кончиту ходить. Да-да, ходить! Тихо пробираться по джунглям, как ходят индейцы. Ни хищника не привлечь, ни дичь не спугнуть! Училась девушка и из лука стрелять, и копьё метать. Но одним из самых сложных дел было научиться быстро и долго бегать. У индейцев не было лошадей или буйволов. На любые расстояния они передвигались только на своих ногах.

Старый вождь думал, что у Кончиты ничего не получится. Ну, поразвлекается девушка – и уйдёт в свою деревню мужа ублажать да детей нянчить. Однако ж, не тут-то было. Сатохо не слишком старался из девушки мужчину сделать, зато Кончита оказалась выносливой и упорной. Совершенно серьёзно, не давая себе поблажек и долгого отдыха, она тренировалась и тренировалась. Даже сама теребила своего наставника: покажи то, да покажи это… А старый вождь с изумлением смотрел, как преображается дочь его друга. Она окрепла, стала более подтянутой, загорелой. Даже очертания мускулов у неё стали походить на мужские.

«Да-а! Узнаю́ характер Шакуро… До чего ж упёртая! Вся в отца!» – думал Калу Той Токо.

Прошло пять лун… Кончита пришла к вождю.

– Испытай меня, отец! – поклонилась девушка. – Я научилась. Я стала мужчиной, как ты хотел.

– Это не я хотел, это ты хотела, – усмехнулся старик. – Да нечего мне тебя испытывать, я и так вижу. Ты постаралась, молодец! Честно говоря, не ожидал я… Да ладно, придётся учить тебя шаманить.

– Знаешь, отец, я уже многому научилась у тебя во время проведения ритуалов. Знаю, когда и что надо. Вот только есть некоторые вещи, которые глазами не углядишь и ушами не услышишь. Именно этому научи меня…

И старый вождь взялся за обучение Кончиты таинствам шаманского искусства. Он обучал её ещё пять лун, а потом устроил ей экзамен.

В назначенный день Калу Той Токо сидел и смотрел, как Кончита проводит ритуал. Она смогла ввести в транс всех членов племени. Она с блеском выполнила поставленную задачу!

– Ну, что ж, дочь моя! – сказал старый вождь по окончании ритуала. – Ты прекрасно справилась с заданием. Пора тебе присвоить и новое имя, достойное хорошего шамана. Ты будешь Кали́ Ду А́ра. Ты знаешь, что ара – это умная, почитаемая нами птица. Твоё имя означает: «Умная настойчивая ара». И если люди племени не возражают, я предлагаю тебе остаться у нас.

– Оставайся, Кали Ду Ара! Мы привыкли к тебе! Оста-

вайся! – зашумели индейцы.

– Спасибо вам, мои дорогие! И я привыкла к вам! – поклонилась Кончита. – Но я должна идти в родную деревню. Я обещала матери вернуться. Ей там трудно без меня. Да и шаман в деревне нужен. Завтра же я отправлюсь в путь. Ещё раз, спасибо!

Наутро, собравшись в дорогу, Кончита вышла из поселения индейцев. Но не успела она отойти и нескольких шагов, как её догнал Сатохо.

– Подожди, Кончита!.. Хотя ты теперь Кали Ду Ара… Только шаманы имеют такие красивые имена… Не уходи! – Сатохо взял девушку за руку. – Я не хочу тебя терять! Если ты хочешь, я пойду с тобой.

Кончита остановилась и посмотрела на юношу. Их глаза встретились, и Кончиту словно обдало жаром. Её щёки вспыхнули, по всему телу побежали какие-то молнии. Она впервые посмотрела на Сатохо, как на мужчину. И она поняла, что тоже не хочет с ним расставаться. Как же она не замечала раньше, насколько близким и родным стал для неё этот молодой индеец!

– Я… я не знаю… и я не хочу расставаться с тобой… Но я должна! Я обещала матери!.. Ты… ты жди меня. Нет-нет, со мной ходить не надо. Я должна всё решить сама. Я… я буду приходить… я приду! А сейчас иди домой, я должна!..

Кончита повернулась и пошла по дороге. Мысли продолжали путаться в её голове…

Дорога в гору была сложнее, чем с горы. Кончита добралась до дома лишь через 10 дней. Она узнала, что её мать вышла замуж за их соседа – отца её друга Мауро, мать которого умерла несколько месяцев тому назад. В глазах, в словах Марии Кончита ощущала затаённую обиду. Она поняла, что мать уже сможет обойтись и без неё. Но она должна шаманить!

Через несколько дней как раз было полнолуние. И Кончита начала ритуал – на той же площади, на которой когда-то шаманил её отец. Несколько односельчан, не торопясь, вышли на площадь. Они уже отвыкли от шаманских ритуалов. Ни один человек не поддержал Кончиту. Ей не удалось никого ввести в транс! Люди стояли, посмеивались. Некоторые держали на руках детей и показывали пальцем на Кончиту – так, будто пришли посмотреть представление. Некоторые стали уходить, не дождавшись окончания таинства…

Кончита была обескуражена: зачем она вернулась? Она здесь никому не нужна!.. А там… там остались добрые понимающие люди… там остался ставший ей дорогим Сатохо. Его имя означает «Находчивый». Может, он найдёт выход?..

Через неделю Кончита решила провести второй ритуал. Зрителей было ещё меньше. Вечером шаманка призывала хорошую погоду, а на следующее утро пошёл снег. Мальчишки на улице, увидев Кончиту, стали кричать, дразнить, ругать её и бросать в неё камни.

Никому ничего не сказав, на следующий же день Кончита

собралась и ушла из родной деревни. Навсегда! Она пошла к ставшему ей таким родным племени индейцев. На половине пути девушка повстречала Сатохо. Он шёл ей навстречу.

– Я не могу без тебя! Пойдём домой! – сказал индеец.

Молодые люди взялись за руки и пошли по дороге вниз, с гор, к племени, домой…

После кончины Калу Той Токо молодая шаманка Кали Ду Ара заняла его место. Она была первой и единственной женщиной-шаманкой за всю историю индейских племён.

Раковина
(притча)

В центральной части северной Африки шаман Санба́лу в очередной раз собирает людей племени для совершения обряда по вызову дождей. Уже много раз они совершали этот ритуал, а дождей всё нет. Река, воды которой питают племя и домашний скот, почти пересохла. В оставшихся лужицах скорее грязь, нежели вода. Дикие животные тоже пьют из этой реки. Скоро за воду начнётся настоящая битва…

Санбалу проводит ритуал. Он сам – в центре круга. Все члены племени: мужчины, женщины и даже подростки ходят по кругу под звук тамтама. У каждого в руках копьё. В набедренных «юбочках», с украшениями из птичьих перьев на головах, с разукрашенными лицами и телами темнокожие люди отбивают ногами ритм и в такт притопыванию дружно выкрикивают:

– Йо балу́!.. Йо балу́!.. Йо балу́!..

На последнем слоге выкрика все дружно выбрасывают вверх руку с копьём. Крик означает: «Я силён!.. Я силён!..». Под эти крики шаман произносит заклинания…

Ритуал окончен, но на небе, по-прежнему, ни облачка, солнце нещадно палит, а воды в реке всё меньше и меньше. Санбалу в отчаянии: может, он потерял свою силу?..

Когда наступила ночь, шаман вышел из своей хижины. Он отошёл от деревни, рискуя попасться в зубы хищному зверю. Санбалу взошёл на пригорок, упал на колени и воздел руки к небу. Сейчас в его руках не было копья.

– О, Высший Дух! – взмолился Санбалу. – Почему ты покинул нас? Чем я прогневил тебя, что ты отобрал у меня шаманскую силу? Как нам жить дальше?..

И вдруг сквозь звёзды пробился светлый луч и осветил стоящего на коленях шамана.

– Ты можешь всё исправить, Санбалу! – раздался голос. – Ты должен пойти на север и дойти до моря. Это будет долгий путь. Дождись, когда море утихнет, встань на мелководье и позови своего Доброго Духа. Его зовут Самалу́. Он живёт в большой рыбе по имени Мади́на. Кричи громче и жди, пока он не приплывёт к тебе. Самалу даст тебе большую раковину. Приложив её к уху, ты услышишь не только шум моря. Ты услышишь голос Океана. У Океана тесная связь с Всевышним Духом. Он даст тебе совет… Ты всё понял?

– Да, Высший Дух. Только я не знаю, что такое море, – пробормотал растерявшийся шаман.

– Море – это такая огромная вода – будто река, у которой не видно другого берега. А Океан – это море всех морей. Не забудь: иди прямо на север! – луч вспыхнул и погас. На небе снова остались только мириады звёзд.

Всю ночь Санбалу не спал. Наутро он собрал людей племени.

– Этой ночью мне явился Высший Дух. Он сказал, что́ нужно делать. Я должен надолго уйти. Проводите ритуалы без меня. Когда я приду, всё будет хорошо.

Санбалу набросил на плечи белую накидку из козьей шерсти, взял в руки копьё и топор и, ничего более не говоря своим соплеменникам, отправился в путь.

Он шёл по степям и пустыням, шёл по джунглям, прорубая себе путь топором. Он шёл босыми ногами по раскалённым камням, пробирался сквозь колючие кустарники. Он питался съедобными листьями, плодами и корнями растений.

Санбалу шёл уже почти месяц. От голода и усталости у него кружилась голова. Поэтому, когда он услышал шум прибоя, то решил, что это ему мерещится. Он не понимал, что́ это за звуки – он никогда не слышал таких. Но шум становился всё сильнее, и Санбалу расслышал в этом шуме знакомые звуки журчащей воды.

«Наверное, это и есть та самая большая река, у которой не видно другого берега?» – подумал шаман. Он прибавил шагу и вышел на высокий скалистый берег. В лицо ему подул освежающий сильный ветер с очень приятным незнакомым запахом. Куда ни кинь взгляд, перед Санбалу расстилалась волнующаяся и сверкающая на солнце вода. Волны бились о прибрежные скалы и бриллиантовыми брызгами разлетались, попадая на лицо измученного путника. Вдыхая полной грудью морской воздух, Санбалу упал на колени и воздел ру-

ки к небу. Его глаза заволокло слезами.

– Наконец-то!.. Благодарю тебя, Высший Дух! Ты привёл меня к морю и оставил в живых!

Санбалу спустился на низкий берег и хотел напиться воды, но она была так солона, что утолить жажду оказалось невозможным.

«Я должен подождать, пока море утихнет», – вспомнил шаман. Он пошёл вдоль берега и вскоре увидел чистый родник, стекающий со скалы в море. Напившись, Санбалу нашёл тенистую пещерку в скалах и с облегчением опустился на песок.

К вечеру волнение улеглось. В лучах заходящего солнца засверкала водная гладь. Санбалу вышел на мелководье, сложил руки рупором и закричал:

– Са-ма-лу-у!.. Са-ма-лу-у!.. Ма-ди-на-а!..

Звук улетел по водной глади далеко-далеко, но никто не откликнулся на зов. Санбалу ходил по берегу моря и кричал. Он звал своего Доброго Духа Самалу́. Он звал большую рыбу Мадину. Он всматривался в сверкающую поверхность моря. Его глаза устали, поплыли светлые круги.

Солнце уже опустилось к горизонту, когда Санбалу увидел, что по морю к нему приближается большой треугольный плавник. Это был плавник акулы. Шаман никогда не видел такой большой рыбы. Она подплыла ближе, подняла голову, и шаман услышал слова:

– Ну, здравствуй, брат! Долго же мне пришлось тебя

ждать!

– Почему ты называешь меня братом? – спросил Санбалу.

– Так ты не знаешь? Мы с тобой духовные братья. У нас общие космические родители, которые создали наши души. Но ты быстрее меня шёл к Свету. И вот ты уже человек и даже шаман. А я ещё нахожусь в теле акулы. Наверное, я специально здесь, чтобы помочь тебе – в этом моя задача. Если я тебе помогу, то, может быть, мне это зачтётся, и в следующей жизни я смогу стать человеком?

– Спасибо, брат! Я рад, что нашёл тебя! – поклонился Санбалу. – Высший Дух сказал мне, что ты можешь дать мне большую раковину, в которой я смогу услышать голос Океана.

– …Наверное, я знаю, о какой раковине идёт речь. Подожди, я поищу её, – сказала Мадина и, вильнув хвостом, исчезла в глубине.

Солнце уже почти закатилось за горизонт, когда акула появилась вновь, держа в зубах большую и очень красивую раковину. Она аккуратно положила её на мелководье.

– Вот, возьми! Думаю, это именно то, что тебе нужно. Я давно приметил её на морском дне… Чем ещё я могу помочь тебе, брат?

– Ты знаешь, Самалу, я очень голоден! Путь далёкий… Ты не мог бы достать мне хоть немного еды?

– Ну, это просто!.. – акула вильнула хвостом и через несколько минут принесла Санбалу съедобных водорослей

и несколько морских ежей.

– Сегодня уже поздно отправляться в путь, – сказала Мадина. – Переночуй в пещерке на берегу. Ночь будет тёплой и тихой. А завтра с утра я ещё принесу тебе еды.

Санбалу, перекусив, устроился прямо на тёплом сухом песке в уютном гроте. Перед тем, как заснуть, он приложил к уху прекрасную раковину. И он услышал шум прибоя. Теперь шаман знал, что́ это за звук. Под этот тихий шум он заснул – первый раз так сладко и спокойно за целый месяц пути.

Утром его разбудил голос Мадины:

– Пора вставать, брат Санбалу! Вот, возьми, поешь и отправляйся в путь, пока не жарко. А я поплыву, постараюсь попасться рыбакам в сети, чтобы побыстрее реинкарнировать. Не хочу больше быть хищной акулой! Неужели, наконец-то сбудется моя мечта, и я стану человеком? Попроси обо мне Всевышнего!

– Спасибо тебе, брат Самалу! Я никогда не забуду тебя! – сказал Санбалу. – Становись человеком и приходи в наше племя! Да поможет тебе Всевышний Дух! А я обязательно попрошу его помочь тебе.

Мадина повернулась и, резко вильнув хвостом, обрызгала Санбалу каплями морской воды.

– Это тебе на удачу в пути! – произнесла акула и скрылась в морских глубинах.

Санбалу встал, воздел руки к небу, вдохнул свежий солё-

ный морской ветер. Он уже знал, что будет скучать по нему.

– О, Высший Дух! Благодарю тебя! Помоги Самалу, а мне дай удачу на обратном пути! – воскликнул шаман.

Перекусив на скорую руку, Санбалу отправился в обратный путь. Он часто оглядывался на блестящее на солнце море, пока оно не скрылось из виду. Ему предстояло пройти 900 километров до своего племени!

Санбалу положил прекрасную раковину в плетёную суму, но каждый раз, когда он останавливался для отдыха, он вынимал свою драгоценность и прикладывал её к уху. Шум моря помогал ему засыпать…

Однажды сквозь шум морского прибоя Санбалу услышал голос:

– Ты хочешь знать, как придать силу вашим шаманским обрядам?

– Да-да! – воскликнул Санбалу, и сон сразу отлетел от него.

– Тогда слушай! – продолжал далёкий голос. – Во время ритуалов вы вздымаете вверх копья. Копьё – это символ войны и убийства. Сила воинов-убийц – не самая большая сила. Намного могущественнее сила Души! Во время проведения ритуала отложите свои копья в сторону. Воздевайте к небу руки и восклицайте «Йо балу ка!», что означает «Я силён душой!». Тогда и обряды ваши будут действовать сильнее…

Голос затих. Санбалу долго не мог уснуть, размышляя над тем, что только что услышал. Потом он снова приложил к уху

раковину, и шум прибоя укачал его…

Вернувшись в родную деревню, Санбалу застал там очень тяжёлую ситуацию. Скот начал гибнуть от недостатка воды. Люди племени еле держались на ногах и стали ссориться друг с другом. Когда шаман вошёл в деревню, все накинулись на него:

– Где ты пропадал столько времени?! Мы скоро вообще все погибнем! Пока тебя не было, прошло только несколько небольших дождей!

Санбалу собрал людей.

– Слушайте! Слушайте все! Всевышний Дух сказал нам, что мы неправильно проводили наши ритуалы. Отныне мы откладываем в сторону копья и вверх воздеваем только руки – вверх, к небу. Мы будем кричать «Йо балу ка!».

– А где ты слышал голос Духа?! – зашумели люди.

– Я слышал его в раковине. Сейчас я дам каждому из вас послушать шум морского прибоя. Сквозь этот шум я и услышал голос Духа.

Санбалу обошёл всех людей племени и каждому приложил к уху раковину. Темнокожие соплеменники с удивлением разглядывали диковинную вещь и не без опаски прикладывали её к уху. Но послушав шум прибоя, все успокаивались, и в их глазах появлялось умиротворение и свет.

В тот же день был проведён очередной ритуал. Постепенно люди привыкли к новому ритму. Ритуал прошёл с воодушевлением.

К ночи на небе собрались тучи, а к утру хлынули долгожданные дожди. Люди выбегали из хижин, подставляли под чистые струи ладони и лица, наполняли сосуды для питьевой воды.

Сильнейшие ливни продолжались несколько недель. Река стала полноводной. Вокруг зазеленела трава, ожили кустарники и деревья. На водопой потянулись животные. Успешно пошла и охота…

Морская раковина лежала на почётном месте в хижине Санбалу. Она стала священной реликвией – факелом, тотемом племени. Перед каждым ритуалом Санбалу доставал её и разрешал приложить к уху всем желающим – это теперь входило в обряд. А во время ритуального танца шаман обязательно возносил хвалу и благодарность Океану и Всевышнему Духу, не забывая попросить его помочь Самалу.

Через год у Санбалу родился сын. Перед самым его рождением шаман снова услышал из раковины голос сквозь шум прибоя:

– Скоро к тебе придёт твой брат Самалу. Люби и цени его! Когда он вырастет, он сменит тебя на шаманском посту.

Своего сына Санбалу так и назвал: Самалу.

Вечерами у костра своему сыну и соплеменникам Санбалу часто рассказывал и пересказывал по много раз историю своего путешествия к морю за священной раковиной. Он рассказывал о трудностях дальнего пути, красочно описывал, как выглядит море, как оно сверкает и шумит, какой

вкус у морской воды. Он рассказывал, как его духовный брат и земной сын Самалу, находясь в теле большой рыбы, принёс ему драгоценную раковину. И каждый раз в конце беседы, помолчав, добавлял:

– А Океан – это море всех морей…

И быль… и сказка…

Свирепый ураган вздымает гигантские волны Океана. Он гоняет их по поверхности воды, но нигде не обрушивает их на берег, потому что на Земле нет берегов – потому, что на Земле нет материков. Восемьсот миллионов лет назад на Земле был только Океан. Вода в нем уже солёная – она была принесена на Землю ледяными астероидами. Океан полон жизни – зоопланктон в изобилии плодится в океанской воде. Он служит пищей для огромных морских животных – китов. Температура воды +40…+50 градусов, но киты приспособились. Мы будем называть их «морскими животными», как сейчас принято, хотя в те времена морей ещё не было – был только Океан.

Есть такая вселенная – Вселенная Китов. Именно оттуда на кораблях Света на Землю были доставлены киты – сразу пять видов, питающихся планктоном, – от горбатых китов до финвалов.

Киты в те времена дышали воздухом, но не были млекопитающими. Новорожденные китята сразу начинали питаться планктоном. Млекопитающими они стали около восемнадцати тысяч лет назад.

Многие виды китов позднее спустились в океан с суши, изменив свои тела, но души, вселяющиеся в эти тела, все приходят из Вселенной Китов.

Невольно возникает вопрос: зачем нужны были Земле эти гигантские морские животные?

Всё, что в те времена делалось на Земле, служило одной цели: подготовить планету к появлению на ней человека. Земля должна была подготовиться энергетически – вода и огромные морские животные создавали нужные энергии. Вокруг Земли необходимо было создать магнитную решётку. Киты до сих пор поддерживают её своим «пением». Особенно горбатые киты. Учёные не могут разгадать, зачем они часами «поют». А поют они, чтобы поддержать, настроить и гармонизировать магнитное поле Земли. Кроме того, киты в своих гигантских телах хранят всю информацию об истории Земли, передавая её по наследству. Поэтому китов называют «библиотеками», где хранится история нашей планеты.

Теория Дарвина… Да! Она имеет право на существование. Действительно: есть и естественный отбор, есть и эволюция. Но все радикальные изменения на планете происходили только благодаря Божественному импульсу! Так из плавающих «червячков», вроде мотыля, появились первые рыбки. А некоторые обезьяны 5 миллионов лет назад начали превращаться в людей. Из разных обезьян получались разные люди – 17 видов. Читайте о них в первой книге, в рассказе «Сотары».

Как материки среди Океана, так и животные, населяющие Землю, появились только благодаря Божественному импульсу.

Итак, в Океане после китов появились рыбы. У рыб тоже было много задач. Они, так же, как и киты, должны были поддерживать энергетику Земли. Но они должны были служить и пищей. Великое разнообразие рыб – великое разнообразие энергий на планете. Эволюция плюс Божественный импульс – и появились хищные киты, дельфины, хищные рыбы. Нам невозможно до конца понять всю структуру Божественного плана. Мы в состоянии только фиксировать и наблюдать некоторые результаты.

Появились летающие рыбы. Некоторые из них «взлетели так высоко», что превратились в птеродактилей, а те, в свою очередь, в летающих хищных драконов. Однако многие драконы, как мы знаем, были «заброшены» к нам из параллельных миров. И именно на таких драконах летали «рыцари короля Артура»…

Рыбы до сих пор поддерживают энергетику Земли и служат пищей. А сколько разных эмоций испытывает рыбак, сидящий с удочкой у тихой заводи в тростниках! В природе умиротворение, и так приятно подсечь и вытащить блестящее бьющееся создание!.. А не жалко? Ведь оно задыхается на воздухе без воды. Оправдывая себя, рыбаки говорят: «Рыбка заснула»… Да не заснула она, а задохнулась! И разве не ощущаете вы всю боль окуня, заглотнувшего крючок «до самого пуза», когда вырываете с кровью и внутренностями этот самый крючок?! Как бы он кричал, если б мог!..

Ну, что ж, с историей появления рыб на Земле мы позна-

комились. А теперь давайте послушаем сказку…

В одном из карельских озёр из икринки вылупилась маленькая Плотвичка. Такая маленькая, что её и разглядеть-то было трудно: два глаза-точечки да крохотный хвостик. А тельце всё прозрачное. Одновременно с нашей Плотвичкой из икринок вылупились ещё около двух сотен таких же мальков. Все они сбились в стайку и шарахались от каждого шороха (если можно назвать «шорохом» звуки и движение под водой). Кто только ни нападал на крохотных рыбёшек! И хищные водомерки, и большие чёрные водяные пауки с бархатными лапками, и личинки стрекоз, и рыбы покрупнее. Только оглядывайся да хоронись в водорослях и тине!

И всё-таки многие мальки выросли и уже перестали сбиваться в стаи. Подросла и наша Плотвичка. Бог дал ей очень любознательный ум и наблюдательность. Плотвичка поняла, что если рыбка хватает червяка, от которого вверх идёт леска, то эту рыбку сразу вытаскивают из воды, и она обратно не возвращается.

«Интересно, куда улетают эти рыбки?» – думала Плотвичка. Она часто приплывала на мелководье, поближе к берегу, и пыталась рассмотреть, а что же там, в этом «другом мире». Часто видела она людей, которые гуляли, разговаривали, купались. Она заметила, что если человек забрасывает удочку, то потом он как раз и вытаскивает рыбок из воды. Плотвичка

видела, как эти рыбки в отчаянии бились, как они задыхались и умирали. Она и сама попробовала дышать воздухом, но чуть не задохнулась. И наша умная Плотвичка решила подальше держаться от людей с удочками.

Однажды под вечер на берег озера прибежала молодая и очень красивая девушка. Она села на траву, обхватив колени руками, и горько заплакала. А потом сорвала с пальца кольцо и швырнула его в воду. Наша Плотвичка сразу подплыла к кольцу – она ведь была очень любознательной. Кольцо было необыкновенно красивым: золотое с блестящим прозрачным камушком. Даже в воде этот камушек переливался искорками, отражая свет, идущий от ряби на поверхности воды.

«Как странно! – подумала Плотвичка. – Такая красивая девушка. Зачем же она выбросила такую красивую вещь?»

Плотвичка хотела спросить об этом у девушки, но та уже ушла. Однако на следующий день девушка появилась снова. Она была очень расстроена.

– Зачем, зачем я выбросила кольцо? – услышала Плотвичка. – Зачем я поверила этим глупым и злым рассказам? Теперь он никогда не простит меня!..

Девушка разделась, зашла в воду и стала нырять. Она явно старалась найти кольцо. Плотвичка подплыла к красавице и что есть мочи крикнула:

– Плыви за мной, я покажу тебе, где кольцо!

Но девушка ничего не услышала. Тогда Плотвичка поста-

ралась поднять колечко, чтобы отнести его девушке, но у маленькой блестящей рыбки не хватило на это сил. Девушка вышла из воды и со слезами ушла с берега озера.

Плотвичке было очень жаль девушку. Неужели теперь разрушится её судьба? Как бы вернуть ей это кольцо? Ведь Плотвичка знает, где оно лежит!

Несколько дней Плотвичка только и думала о том, как бы помочь девушке. Она так переживала, что не могла думать ни о чём другом.

Однажды на вечерней зорьке Плотвичка высунула носик из воды, чтобы полюбоваться закатом. И вдруг она увидела, как на берег озера прилетела большая золотая птица. Она прошлась по самой кромке воды, попила из озера и, глядя на высунутый из воды Плотвичкин нос, сказала серебряным голосом:

– Милая Плотвичка! Не бойся меня! Я знаю, что ты здесь и что у тебя есть заветное желание. Ну-ка, подплыви поближе!

Плотвичка очень удивилась, но осмелилась подплыть к прекрасной птице.

– Ты никогда не слышала обо мне? – спросила золотая птица и распушила свой роскошный хвост. – Я – Жар-птица. Про меня люди придумали много сказок. Но они не знают, что я на самом деле существую, что я могу исполнить любое хорошее желание чистой души. Поведай мне о твоём!

– А ты услышишь меня? – спросила Плотвичка. – Нас,

рыбок, почему-то никто не слышит.

– Конечно, услышу! – заверила Жар-птица. – Я слышу даже твои мысли.

– Тогда ты, наверное, знаешь, что мне очень хочется помочь одной девушке, которая сгоряча выбросила кольцо в озеро, а потом так и не смогла его найти.

– Скажи, Плотвичка! – немного помолчав, спросила Жар-птица. – А не хотела ли бы ты помогать и другим людям тоже? Мне очень не хватает помощницы. Так много хороших желаний у хороших людей!

От удивления и радости Плотвичка даже выскочила из воды и, описав в воздухе дугу, бултыхнулась обратно.

– Конечно, хочу!!! Это же так здорово – помогать кому-то в хороших делах, исполнять чьи-то мечты! Конечно, хочу!

– Подумай хорошенько, – сказала Жар-птица. – Чтобы иметь возможность исполнять желания, тебе придётся изменить не только свой облик, но и образ жизни. Ты должна будешь появляться там, где услышишь мечты. Согласна ли ты покидать своё озеро и путешествовать по другим водоёмам, даже по морям?

– По морям?.. – задумалась Плотвичка. – Я слышала, что в морях солёная вода и много хищных рыб. Я смогу там жить?

– Сможешь!.. – заверила Жар-птица. – Ты же совсем изменишься. К тому же, я поставлю тебе защиту, и никакие хищники не смогут тебя поймать. У тебя появится великая

миссия – делать добрые дела!

– Я согласна, Жар-птица! Что я должна сделать? – спросила маленькая Плотвичка.

– Подплыви ко мне, высуни носик из воды и постарайся не шевелить плавниками и хвостом.

Плотвичка подплыла поближе к берегу. Жар-птица взмахнула крыльями, и вокруг Плотвички образовался искрящийся золотой шар. Через минуту этот шар растворился в воздухе. Плотвичка посмотрела на себя и ахнула: она превратилась в прекрасную золотую рыбку с хвостом-вуалью, розовыми плавниками и с маленькой золотой короной на голове.

– Ну вот! Теперь всё в порядке! – сказала Жар-птица. – Теперь тебя будут звать не Плотвичка, а Золотая Рыбка, и ты сможешь исполнять желания. Только всегда оценивай: искреннее ли это желание, несёт ли оно в себе добро и счастье, не повредит ли кому-нибудь, если исполнится.

– Я очень благодарна тебе, Жар-птица! А можно я верну девушке её кольцо? Ведь это никому не повредит, правда? Только не знаю, как это сделать – я ведь не умею летать.

– Хорошо! – кивнула Жар-птица. – Это как раз и будет твоим первым хорошим делом. Принеси мне колечко. Я положу его девушке на подоконник, и завтра утром она его найдёт… Я уже вижу: она помирится со своим любимым, и через месяц они сыграют свадьбу.

Плотвичка подплыла к кольцу и без труда подняла его

со дна. Она передала его Жар-птице.

– Ну что ж, – сказала золотая птица. – Я не прощаюсь с тобой. Через некоторое время я найду тебя, и ты расскажешь мне, какие хорошие дела тебе удалось совершить.

Жар-птица взмахнула крыльями и, держа в клюве кольцо, улетела в сторону деревни. А Плотвичка от радости начала быстро-быстро плавать и выпрыгивать из воды. Ей очень нравилось, что от неё теперь шло такое же золотое сияние, как и от Жар-птицы…. И вдруг она почувствовала, что какому-то старику очень плохо. Перед её глазами появилось море и бедно одетый старик, который всё забрасывал в море невод, а невод приходил с одною тиной и травой морскою…

Плотвичка и сама не поняла, как она оказалась в том море, где пытался рыбачить бедный старик…

Через некоторое время Плотвичка вернулась в своё карельское озеро и стала звать Жар-птицу:

– Милая Жар-птица! Мне очень нужен твой совет! Прилети, пожалуйста!

Жар-птица услышала и в тот же вечер на закате подлетела к берегу озера.

– Что случилось, Золотая Рыбка? – услышала Плотвичка знакомый серебряный голос. Она быстро подплыла к своей учительнице и попросила:

– Дорогая Жар-птица, скажи, пожалуйста, правильно ли я поступила?

И Плотвичка рассказала Жар-птице про старика, который ничего не просил для себя. Зато его замучила просьбами его старуха. Сначала попросила новое корыто, потом дом. А закончилось тем, что старуха захотела стать владычицей морскою, и чтобы Золотая Рыбка была у неё на посылках.

– Ты знаешь, – горестно сказала Плотвичка, – я тогда отняла у этой жадной старухи всё, что сначала дала. Ведь старику, которому я хотела помочь, становилось только хуже и хуже. Правильно ли я поступила? Ведь ты сама говорила…

– Совершенно правильно, дорогая рыбка! – перебила Жар-птица. – Нельзя идти на поводу у алчных людей, думающих только о своём благополучии и богатстве. Такие люди всегда бывают наказаны. Надеюсь, что жадная старуха сделала правильные выводы из этой истории.

– Скажи, Жар-птица! А может, мне надо было что-нибудь дать старику? Мне было его так жаль!

– А он что-нибудь просил у тебя для себя?

Плотвичка покачала головой:

– Нет, не просил…

– Раз человек ничего не просит и ни о чём не мечтает, – назидательно сказала Жар-птица, – то не стоит ему ничего и давать. Ты ведь не знаешь, что́ ему больше всего нужно. Ты абсолютно правильно поступила, милая помощница…. Знаешь, мне так понравился твой рассказ. Он очень поучительный. Хорошо бы эту историю рассказать многим людям! Пусть они поймут: кто слишком многого хочет, ничего не со-

здавая сам, тот остаётся «у разбитого корыта»… Я знаю одного замечательного поэта. Его зовут Александр Сергеевич Пушкин. Пожалуй, я расскажу ему твою историю, и пусть он напишет по ней сказку. Ты не возражаешь?

– Нет, конечно! Если это чему-нибудь научит других людей…

– Хорошо! – сказала Жар-птица. – Давай, договоримся так. Когда тебе удастся ещё исполнить чьё-либо желание, ты приплывёшь ко мне в гости и расскажешь об этом.

– А где ты живёшь? – спросила рыбка.

– Я живу в золотом замке под водой в большой пещере. В эту пещеру есть вход из Бухты Счастья, что находится на юго-западе Пиренейского полуострова. Людям туда очень трудно попасть, а ты проплывёшь без труда. До встречи!

Жар-птица улетела, а рыбка стала резвиться в родном карельском озере. И вдруг она снова почувствовала зов…

Через некоторое время радостная Золотая Рыбка разыскала Бухту Счастья. Под водой она увидела прекрасный золотой замок. Рыбка заплыла под арку и очень удивилась: на золотой перекладине под куполом красивого зала сидела Жар-птица и чистила пёрышки. Вода была только в нижней части замка, но рыбка спокойно плыла, ей не было душно.

– Добрый день, Жар-птица! – поприветствовала рыбка. – Есть ли у тебя время выслушать меня?

Жар-птица перестала чистить пёрышки и удивлённо по-

смотрела на рыбку:

– Как! Тебе так быстро удалось ещё кому-то помочь? Или нужен совет?

– Ты знаешь? Кажется, мне удалось совершить ещё одно доброе дело. У тебя есть время послушать?

– Ну, рассказывай! – Жар-птица опустилась на брюшко, подогнув лапки, и приготовилась слушать. Золотая Рыбка начала рассказ.

– Ещё когда я плавала в море, исполняя желания капризной старухи, я вдруг увидела, что на берегу большого озера сидит очень грустный принц. У него был такой несчастный вид, что как только я оставила старуху у разбитого корыта, то сразу решила переместиться в это озеро. Но сначала я хотела посоветоваться с тобой и рассказать про старика и старуху. А когда ты улетела, я немного отдохнула и отправилась к принцу. Я отважилась показаться из воды и спросила, о чём грустит такой прекрасный принц. И он мне поведал, что его хотят женить на принцессе, которая ему совсем не нравится, и которая его тоже не любит. А он любит пастушку, что часто пасёт гусей у стен королевского дворца. Я спросила у принца, хочет ли он, чтобы я помогла ему. Он ответил, что вряд ли это в моих силах, но он, конечно, очень бы хотел жениться именно на пастушке…

– И ты знаешь, Жар-птица, мне удалось ему помочь! – радостно воскликнула рыбка. – Я сделала так, что к ним в королевство приехал герцог, у которого когда-то давно по-

хитили маленькую дочь. Он много лет её искал, и вот нашёл. Это оказалась как раз та самая пастушка! На радостях герцог устроил пир, на который были приглашены и король, и принц…. В общем, нашему принцу удалось жениться на любимой пастушке. Я так радовалась! Скажи, я всё правильно сделала?

– Ты большая умница, дорогая Золотая Рыбка! Я думаю, ты теперь и без моей помощи справишься со всеми своими делами. Ну, а если тебе потребуется совет или ты просто захочешь меня навестить, приплывай сюда, в мой золотой замок. Здесь ты всегда будешь желанной гостьей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.